

Военный чиновник

Автор:

Анатолий Подшивалов

Военный чиновник

Анатолий Анатольевич Подшивалов

Господин изобретатель #2 Попаданец (АСТ)

Как выясняется, не все сразу удается попаданцам и здесь их никто особенно не ждет, так как нет производственной базы в стране с преимущественно крестьянским, практически неграмотным населением.

После перипетий судьбы изобретатель решает стать военным чиновником, получив предложение разведывательного отдела Главного Штаба. Продолжает изобретать, что сразу делает его целью для конкурентов и высокопоставленных лиц, желающих убрать выскочку подальше от трона: не дай бог он будет претендовать на их кусок пирога. Такие «доброжелатели» устраивают очередную каверзу, в результате чего он оказывается на госпитальной койке. Но и здесь неунывающий изобретатель времени не теряет, защищает магистерскую диссертацию и продолжает изобретать. Выйдя из госпиталя, остается не у дел и получает поручение организовать миссию в Абиссинию.

Анатолий Подшивалов

Военный чиновник

© Анатолий Подшивалов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

Анатолий Анатольевич Подшивалов (1957–2021)

Говорят, что писатели уходят в придуманные ими миры,

но они всегда с нами и живы, пока читают их книги.

Пролог

Пожилой инженер-математик попадает в тело юного юриста-неудачника, а на дворе – 1889 год, Москва, Замоскворечье, 2-й Казачий переулок. Взяв, как бывший подполковник ВВС, на себя лидерскую роль, с чем, безусловно, согласился реципиент, он решает изменить историю России к лучшему. С этой целью вместе с мужем тетушки – аптекарем и химиком-любителем Генрихом Циммером, главный герой изобретает несколько анилиновых красителей и попутно получает уже синтезированный тридцать лет назад в Германии тринитротолуол, который при соответствующем подрыве может быть сильной и в то же время безопасной при хранении взрывчаткой. Также изобретатели подходят вплотную к синтезу сульфаниламида, известного как стрептоцид, но на пятьдесят лет раньше, чем тот был внедрен в клиническую практику. Успехи отечественных химиков привлекли внимание немецкого агента, который пытался завербовать Генриха Циммера, немца по национальности, и, потерпев при этом неудачу, уничтожил лабораторию, подорвав ее. Генрих погиб, а герой повествования обгорел, пытаясь вытащить дядю из огня, и с сильными ожогами был госпитализирован, однако через некоторое время поправился, хотя следы ожогов, естественно, остались. В ходе расследования взрыва герой знакомится с жандармским ротмистром Агеевым, который находит виновного. Ознакомившись с материалами лаборатории, Агеев помогает организовать испытания тринитротолуола, получившего сокращенное название ТНТ (ТриНитроТолуол) в

Михайловской артиллерийской академии, однако они получают неблагоприятный отзыв – вещество не удастся подорвать. Изобретатель уезжает в Санкт-Петербург, там знакомится с известным химиком-артиллеристом штабс-капитаном Панпушко и добивается хороших результатов использования ТНТ в артиллерийских снарядах и ручных гранатах (совместная разработка изобретателя и Панпушко). Попутно наш герой через Дмитрия Ивановича Менделеева добивается испытания своего сульфаниламида (вещество СЦ, что означает Степанов – Циммер) в Военно-медицинской академии, но, несмотря на прекрасные результаты, полученные в клинике профессора Субботина, члены ученого совета «заклевали» изобретателя: какой-то молодой выскочка-юрист будет учить их, маститых профессоров, как лечить больных. Жили без этого СЦ и еще проживем... Трагикомически заканчиваются и испытания ТНТ в гранатах (ручных бомбах Степанова – Панпушко). Непроинструктированный офицер по приказу генерала, введенного в заблуждение кажущейся легкостью обращения с новым оружием, забросил взведенную гранату прямо под ноги генералам, и наш герой в последний момент, оттолкнув в грязь заместителя генерал-фельдцейхмейстера, ухитряется столкнуть гранату в яму и предотвратить катастрофу. Вымазанный в грязи генерал, не поняв, что ему только что спасли жизнь, устраивает скандал, и испытания проваливаются. Агеев, ставший полковником и начальником вновь созданного разведывательного отдела при Главном Штабе, уговаривает изобретателя занять пост его заместителя по техническим вопросам. Изобретатель едет в Москву, к деду, заручиться его согласием, поскольку уже запустил производство СЦ и ТНТ на его заводе.

Глава 1

ДЕЛА МОСКОВСКИЕ И ПИТЕРСКИЕ

Сегодня мы с дедом решили навестить Лизу и пойти все вместе на могилу Генриха – годовщина как-никак... Лиза к нам вышла, но глаза у нее были красные, заплаканные. Выяснилось, что ей не разрешили пойти с нами на кладбище, мол, какой-токой муж, скоро будешь «Христовой невестой», пора кончать с прошлой земной жизнью и подготовиться к новой, праведной, под другим именем. Дед аж в лице переменялся и покраснел – где это видано, чтобы жену на могилу мужа в годовщину его смерти не пустили? Я побыстрее его увел, и мы пошли на могилу. Лиза успела поставить Генриху скромный памятник из

темного гранита – только имя и годы жизни, ничего лишнего. Случившийся рядом служитель смел снег с памятника и скамеечки и, получив монетку, удалился восвояси. Мы не стали садиться, а постояли и помолчали, помянув Генриха. Потом зашли в старую церковь (дед посещал только старые храмы, построенные еще до реформы Никона). Людей почти не было, дед перекрестился двумя перстами, я – традиционно, потом мы про себя, беззвучно, помолились, поставили свечи за упокой души и вышли. По дороге домой дед сказал, что не нравится ему эта обитель, жадная тут настоятельница, торопит Лизу с постригом, чтобы прибрать к рукам дом и аптеку. Я согласился, у меня сложилось такое же впечатление: не будет Лизе здесь мира и успокоения, страдает она.

Потом я поехал в Первую Градскую, куда меня привезли ровно год назад, нашел Леонтия Матвеевича и вручил ему чуть меньше фунта сульфаниламида (дед попросил горсть оставить, чтобы сравнить с тем, что получится у него на заводе).

Доктор был рад меня увидеть, спросил про здоровье деда, похвалил мой внешний вид (я сказал, что следую всем его советам). Потом я рассказал про испытания в Военно-медицинской академии, про свой провал, естественно, говорить не стал, рассказал, кто синтезировал и как проводились исследования на больных у профессора Субботина. Оказывается, Леонтий Матвеевич его знает, то есть, конечно, приятелями они не были, но он слышал выступления Субботина с лекциями в Московском университете, и мой бывший лечащий врач с уважением относился к нему как к специалисту. Я тоже сказал, что его статья в «Вестнике» произвела впечатление в Академии, многие считали, что такого быть не может. Я высказал мнение, что это оттого, что на первой фотографии, плохо переданной при печати в журнале, я выгляжу слишком черным: мы-то знаем, что это от копоти, а коллеги подумали, что это обугливание тканей, пусть даже поверхностного слоя кожи, но ведь тогда это 25 процентов тела в виде ожога IIIA степени[1 - Ожог 3-й степени, занимающий 25 процентов поверхности кожи – проблема для медицины и в двадцать первом столетии, со всеми противошоковыми мероприятиями, антибиотиками и стерильными палатами, выживают лишь немногие.], а с такими повреждениями в девятнадцатом веке не живут (просто погибают от шока). Я сказал, что в клинике Субботина были получены хорошие результаты при лечении СЦ довольно обширных ожогов II степени и ограниченных ожогов IIIA вроде тех, что были у меня на дистальных фалангах – на подушечках пальцев. Леонтий Матвеевич с благодарностью принял препарат и обещал проинформировать об опыте применения.

– И поторопитесь со статьей о результатах лечения СЦ, – сказал я на прощанье, – а то питерцы обскачат.

Потом поехал на телеграф, отбил Агееву телеграмму с одним словом «Согласен» и вторую, для Менделеева, в которой сообщал, что буду в Петербурге на следующей неделе и останусь надолго, и что можно отправить мне на адрес «Астории» записку или телефонировать о времени удобной для профессора встречи.

Затем я заехал в ювелирный магазин фирмы «Эдуард», официального поставщика орденов Капитула орденов Империи и выбрал из готовых знаков ордена Святого Станислава 3-й степени орден на пятиугольной колодке с красной ленточкой с белыми окаймляющими полосами, предъявив Императорский Указ и внеся в Капитул 15 рублей. Орден мне понравился, как всякий военный человек[2 - Напомню, что в прошлом наш попаданец был подполковником в военном НИИ, где занимался математическим моделированием (см. 1-ю главу 1-й книги).], я питал определенный пиетет к знакам отличия. Сам орден был в виде красного эмалевого креста с раздваивающимися концами, между перекладинами креста были припаяны ажурные двуглавые орлы, в центре – финифтевый медальон с зеленым венком с наружной стороны. С обратной стороны на медальоне были буквы SS в виде вензеля – я сообразил, что по латыни это означает Святой Станислав, так как орден польский и был включен после присоединения Царства Польского[3 - В описываемое время – так называемый Привисленский край на месте упраздненного Царства Польского, так было велено именовать после подавления польского восстания, однако в титуле государя осталось «Царь Польский».] к Империи, вместе с орденами Белого орла и Виртути Милитари (военной доблести), впрочем, последний был среди российских орденов совсем недолго. А вот Станислав прижился и был младшим орденом, который, как правило, получали чиновники за выслугу лет.

Про орден мне напомнил Агеев, так как представляться по начальству мне нужно будет в мундире с наградами. Еще он сказал, что надо привезти метрику со справкой о крещении и диплом об окончании университета, но этим я решил озаботиться после обеда.

Пообедав, я зашел к себе и переоделся в старый сюртук и брюки, надел старые ботинки, почистив их, естественно, и взял темные очки, которыми пользовался в больнице и которые первое время рекомендовал носить доктор на прогулках при

ярком солнечном свете. Диоптрий они не имели, и я носил их поверх своих обычных очков. Нарядившись таким образом, я доехал до Второго Казачьего и, не доезжая сотни сажен до матушкиного дома, отпустил извозчика и, сгорбившись, шаркающей походкой отправился в «набег».

Войдя во двор, я обратил внимание, что у каретного сарая двери наглухо закрыты и сена не видно, а поленница дров уж очень хилая. Встретили меня вовсе не Антип с Глашей, а крестьянского вида тетка в низко повязанном платке. На вопрос, дома ли барыня и где прежние слуги, она сказала, что про слуг не знает, съехали, а вот барыня дома. Я велел доложить, что пришел ее младший сын Александр. Скоро тетка вернулась, пригласив меня пройти в дом. Во флигеле было грязновато и везде было запустение, кроме того, было холодно: судя по всему, печь не топили, тем не менее я отдал тетке пальто и, поёживаясь от холода, проследовал на барскую половину. Маменька встретила меня в гостиной, там тоже произошли изменения: в шкафу уже не было гарднеровского сервиза, подозреваю, что не было и столового серебра. Маменька куталась в теплую шаль и натянуто улыбнулась:

– Сашенька, сыночек мой дорогой, тебя уже отпустили из лечебницы? – с деланой заботой пропела она. – Как ты себя чувствуешь?

– Чувствую, конечно, не очень, – ответил я со скорбью в голосе, – но все же лучше, чем было, вижу только плохо... и перчатки приходится носить, а то барышни пугаются, а они (перчатки то есть) быстро снашиваются, а стоят дорого. Что же вы не приходили больше в больницу, я так ждал...

– Да-а, – неопределенно протянула маменька, – что же ты от меня хочешь?

– Я решил на службу поступить, в архив, помощником архивариуса. Вот, пришел за своими документами.

– В архив, это, конечно, хорошо, – протянула маменька.

Но тут из соседней комнаты раздался мужской голос: «Марыся, с кем ты там лясы точишь, поди сюда...» Причем окрик был не брата Ивана, а человека постарше. Я услышал через открытую дверь: «Так это и есть твой пшеклентый байстрик?[4 - Проклятый ублюдок (польск.).] С Иваном не знаю, что делать, еще и этот притащился, гони его в шею». Дальше разговор пошел по-польски, а

вскоре маменька вернулась с тонкой пачкой бумаг.

– Вот, Сашенька, – все на месте: метрика, выписка из церковной книги и твой диплом, все сберегла, – гордо заявила маменька, будто подвиг совершила, отстояв их у кого-то, кто хотел отнять. – А живешь ты где?

– Живу пока у Лизы, она в обители, и я дом сторожу, а то бы все разворовали давно.

– В обители? – услышав про бесхозный дом, что-то начала прикидывать в уме маман. – Она же в сумасшедшем доме была, выходит, ее выпустили?

– Значит, вылечили Лизу, она же от горя помешалась, а время лечит, – ответил я, – но дом и аптека скоро отойдут монастырю – Лиза так распорядилась, поэтому можно я поживу здесь?

– Дорогой Сашенька, – елеиным голосом протянула маман, – я не успела тебе сказать, что я на днях выхожу замуж за Казимира Болеславовича. Пан Казимир – отставной уланский ротмистр, и он сделал мне предложение, поэтому мы скоро обвенчаемся и уедем в Варшаву. (Интересно, а не тот ли это улан, с которым «застукал» маман Генрих, вот ведь точно говорят, что старая любовь не ржавеет.)

– Марыся! – вновь подал зычный командирский голос улан, будто командуя эскадроном (сейчас точно скомандует «пики к бою, рысью марш-марш»). – Я еду на скачки, где мой цилиндр и монокль?

– Сейчас, сейчас, Казимеж, – захлопотала маман, выскочив из комнаты. (Ишь как забегала, небось, улан ее поколачивает.)

– Да, и денег дай, – грозно потребовал пан Казимеж, – ассигнациями и серебром, что я, десятками да пятерками буду с извозчиком расплачиваться?

– Казимеж, – запричитала маман, – у тебя же еще вчера были деньги! Ты опять играл?

– Марыся, ну какой же я шляхтич, если не могу угостить товарищей, – оправдывался отставной улан, – да там и было-то денег всего ничего – десятка с мелочью. – Дальше на повышенных тонах пошел разговор по-польски, после чего раздался звук пощечины, пан Казимеж (он оказался лысым, плюгавым и кривоногим), с цилиндром в руках и пальто внакидку, чуть не бегом выскочил из комнаты, пробежал по коридору, хлопнула дверь и ясновельможного пана и след простыл.

Из комнаты, где состоялся разговор, вышла, утирая кружевным платочком глаза, маменька, на щеке у нее краснел след пощечины. «А, так вот кому прилетело», – подумал я и произнес:

– Маменька, а покушать у вас есть, а то я с утра голодный...

– Милый Сашенька, мы печь топим раз в день, вечером, и тогда у нас горячий обед, а сейчас у нас нет ничего, – ответила маман с некоторым смущением.

– Маменька, раз вы дом продаете, ведь нам с Иваном тоже доля положена?

– Ах, Саша, ну что вы все такие меркантильные! – маман изобразила оскорбленную невинность. – У нас полно долгов, только бы расплатиться. – И я услышал длительные рассуждения про жадных ростовщиков и воров-скупщиков жилья, из чего сделал вывод, что не только мне, но и братцу Ивану ничего не обломится.

– Ну что же, – сказал я, встав и заворачивая в старую газету свои документы, – если мне здесь в корке хлеба и мятой пятерке отказывают, я, пожалуй, пойду. Прощайте, маман, будьте счастливы со своим паном Казимежем, если сможете.

На следующий день я с дедом поехал на его фабрики в Купавне. Я не был там больше года, за это время особенно ничего не изменилось, лишь начинал строиться новый цех (как объяснил дед – для ТНТ) в стороне от других строений.

Я спросил, когда он будет готов (здание строилось из деревянных балок, которые затем будут обшиты досками), дед ответил, что через месяц-полтора можно начинать выпуск продукта. Химиков уже подыскали в Московском университете, в основном из молодых выпускников, закуплена лабораторная посуда и оборудование. Дед хотел, чтобы я побеседовал с химиками и устроил

им что-то вроде экзамена. Это мы отложили на завтра, их же еще пригласить сюда надо. Но дед ответил, что в конторе есть телефон и телеграф, поэтому сейчас протелефонируют в Московское представительство, они оповестят кандидатов, и назначим экзамен на завтра, в час дня.

Я согласился с предложением, и, переночевав в гостевом доме, мы с дедом устроили «смотрины» будущим сотрудникам лабораторий. В результате отсеялась почти треть, многие не знали про синтез анилина и не могли сказать, кто такой Зинин, и написать формулы его процесса, а уж кто такой Перкин знали только два человека из двух дюжин кандидатов. Хотя три-четыре человека произвели очень благоприятное впечатление своими знаниями и интересом к предстоящему делу.

Дед тоже задавал вопросы, похоже, что он уже расставлял людей по местам в предстоящей схеме процесса: кто потянет за начальника, а кто будет просто хорошим и грамотным исполнителем (такие даже более ценны для дела, так как специалиста еще поискать надо, а желающие «руками водить» всегда найдутся).

Так и оказалось: оказывается, у деда уже был готов штат для руководства лабораториями из опытных производственников, а требовались начальники среднего уровня и исполнители, каковых мы и нашли, еще двое были взяты кандидатами, остальным отказано. Мы объявили результаты и выбрали четверых лучших для стажировки в Петербурге: двоих в Военно-медицинской академии у Дианина и двоих в Михайловской артиллерийской академии на Ржевском полигоне у Панпушко (если там все будет хорошо). Почему я сомневался в возможности пройти стажировку в полигонной лаборатории? Да потому, что не был уверен в том, что после скандала с гранатой нам вообще разрешат там появиться. Ведь все не только замыкалось на Панпушко, с которым была предварительная договоренность о стажировке моих химиков, а зависело от начальства – того же генерала Демьяненко, что послал меня метать гранату в присутствии генерала Софиано и его свиты. Поэтому я все сначала узнаю, а потом дам деду телеграмму, и люди из Петербургского филиала дедовой компании встретят и разместят химиков как надо.

В воскресенье отметили мой день ангела (в прошлом году в это время я лежал в виде «мумия Игипетского», по выражению сиделки Агаши), а спустя год мог и закусить неплохо. Алкоголя на столе не было, но от всяческих вкусовностей стол ломился, несмотря на то что был предрождественский пост – просто вкусовности

все были постные. Были приглашены дедовы деловые партнеры, которым я был представлен как чиновник Главного Штаба, в чине коллежского асессора, дворянин, награжденный орденом и золотыми часами «За заслуги» – дед заставил меня открыть крышку часов, на которой имелась внутри дарственная надпись, и с гордостью показал часы гостям. Дедовы партнеры, купцы-старообрядцы, только удивлялись тому, как у деда внук, еще в молодых годах, а уже в чинах и наградах.

В качестве подарка мне был преподнесен письменный прибор из уральского малахита с золоченой бронзой, весом как бы не пуд. Судя по размеру, стол, на который должно водружаться это сооружение, должен был быть размером как маленький аэродром. Шучу, конечно, но я был тронут подарком деда, который произнес прочувствованную речь и прослезился. В ответ я тоже поблагодарил деда и гостей, принесших свои дорогие подарки. Деда я вообще расцеловал в обе щеки совершенно искренне – так много сделал для меня этот человек, буквально спасший мне жизнь год назад – без него сгинул бы я в какой-нибудь лечебнице, как безнадежный больной. Наевшись и наговорившись о делах купеческих, гости разошлись, а мы еще долго сидели с дедом за самоваром, пили ароматный чай и вели неспешные разговоры. Я, конечно, сказал, что не стоило бы говорить гостям о том, что я коллежский асессор, ведь императорского Указа о производстве в чин нет, на что дед ответил, что он разбирается в людях, если уж полковник Агеев что-то обещал, то в лепешку разобьется, а сделает.

– Я же видел, как он носом землю роет, – сказал дед, – такой человек попусту болтать языком не будет. Он – надежный, ты держись его, Сашка, чую я, генералом он точно скоро станет и тебя за собой как паровоз потащит.

В понедельник я прибыл к Агееву со своими документами. Полковник перелистал их:

– Так – метрика, все в порядке; свидетельство о крещении по православному обряду – тоже; а вот что же вы, дорогой мой Александр Павлович, университет по второму разряду закончили? Я ведь был уверен, что вы, с вашими-то знаниями, закончили одним из лучших, по первому разряду, – укоризненно посмотрев на меня, сказал полковник. – Ведь по второму разряду вы при поступлении на государственную службу только на чин XII класса можете рассчитывать, то есть на чин губернского секретаря, а вот если бы по первому – тогда сразу на чин X класса, коллежского секретаря. И, перепрыгнув за заслуги

через чин титулярного советника, вы вполне бы могли претендовать на чин VIII класса, то есть на чин коллежского асессора, что я и хотел вам добыть.

Но, видя, как вытянулось мое лицо, ведь дед уже отрекомендовал меня своим партнерам как асессора, продолжил:

– Да полноте, не расстраивайтесь раньше времени. В государственных делах важно, как бумаги написать, да как и когда их подать, – утешил меня полковник, – а уж за мной, и особенно за Николаем Николаевичем Обручевым, в этом дело не станет.

– Про заслуги ваши распишем, а они у вас на двух асессоров потянут, про орден за изобретательство и как этим нос утерли англичанам, про испытания пламенем и болью, что Бог вам послал пройти, про то, что перед лицом смерти не дрогнули и в лицо врагу посмеялись, про все упомянем.

– Сергей Семенович, – прервал я описание моих подвигов на ниве изобретательства и в борьбе со шпионами, – а ведь я еще одну штуку, кажется, изобрел. Вот пока ехал в Петербург и придумал, – и я протянул листки бумаги полковнику.

– Что это? – спросил Агеев. – Какие-то черточки, схемы, стрелки, формулы.

– Это, Сергей Семенович, счетно-вычислительная машина, работает на электричестве, собрана из пяти сотен телеграфных реле, которая считает быстрее лучших вычислителей-математиков и не делает при этом ошибок. На мой взгляд, эта машина пригодна для шифрования и дешифрования сообщений. Обычно у шифровальщика уходит какое-то время, чтобы зашифровать сообщение и передать его по телеграфу, потом его принимают и расшифровывают, на что тоже уходит время. С момента начала шифрования и получения уже расшифрованного сообщения проходит определенное время, зависящее от величины передаваемого сообщения и квалификации шифровальщика. Ведь если пользоваться нынешними средствами шифрования, то решение Петербурга может прийти слишком поздно.

– Да, скорость сообщения между штабами имеет значение, – ответил Агеев, – а что ваша машина могла бы сделать?

– А вот что, – приободрился я, видя, что полковник задумался. – Практически обеспечивать диалог между, например, начальником штаба Варшавского военного округа и начальником Главного Штаба, причем шпионы, даже если они подключатся прямо к линии, ничего не поймут в абракадабре цифр. Коды менять несложно, для этого есть машина-программатор, использующая вот такие карточки, – я нарисовал заранее, как выглядит перфокарта[5 - Перфокарты применяли еще в машинах Жаккарда для выделки плотной ткани с рисунком, с тех пор такая ткань называется «жаккард», на металлических пластинах пробивали отверстия по двоичному коду: есть отверстие – нет отверстия, то есть машина Жаккарда была программируемым станком задолго до появления ЭВМ, еще раньше в счетной машине Беббиджа был также реализован двоичный код – это была уже механическая счетная машина, работающая по заданной программе, позволявшей делать различные математические вычисления.]. Такая карта – как приказ машине выполнять действия в строгой последовательности. Кроме того, машину-вычислитель можно использовать для сложных инженерных расчетов, например в кораблестроении и для стрельбы на дистанции, когда цель не видна, например поставить вычислитель на батарее двенадцатидюймовок в каком-то из фортов Кронштадта, глубоко в каземате, и батарея успешно будет крупнокалиберные снаряды за горизонт швырять, причем не просто так, а накрывая движущуюся цель. Перед этим машина поможет составить таблицы стрельбы для артиллеристов, что с большой вероятностью обеспечит поражение цели. Да мало ли какие расчеты она способна выполнять – любые, где нужно оперировать огромными объемами цифр, и сделать это быстро, например, в статистических отчетах и переписи населения Империи.

– Очень интересно, Александр Павлович. Если вы не против, я сегодня же доложу Николаю Николаевичу, только перед этим встречусь с шифровальщиками, вдруг у них что-то подобное уже есть.

Агеев забрал мои документы и, спросив разрешения, взял с собой бумажки с чертежами и рисунками, обещав вернуть. Потом я поехал в Михайловскую академию, где узнал, что Панпушко на полигоне, оставил ему записку и попросил передать ее штабс-капитану по его возвращении и пошел к медицинским химикам. Меня принял Дианин, довольно приветливо, и сказал, что испытания препарата СЦ успешно продолжаются, сейчас его применяют при хирургическом лечении рваных и разможженных ран, после их хирургической обработки и удаления пораженных тканей засыпают порошок внутрь раны, а потом обновляют присыпки при перевязках. Больные идут на поправку гораздо лучше, чем при обычном промывании карболкой и наложении повязки с той же карболовой кислотой. Я сказал, что остановился в «Астории», и попросил, если

будут какие-то новости, информировать меня. Также я напомнил профессору о нашей договоренности относительно стажировки на кафедре двух-трех химиков из Москвы при условии, что я беру на себя их содержание. Дианин согласился и сказал, что сообщит приват-доценту Северцеву о его будущих стажерах. Я сказал, что они могут быть уже через три-четыре дня, и за время стажировки они должны будут освоить самостоятельный синтез СЦ, на мой взгляд, на это уйдет не более недели.

Приехав в гостиницу, я обнаружил конверт от Агеева с запиской, где мне было предложено прибыть к 12.00 для доклада по моей машине. Одеться получше, не забыть орден.

Вечером ко мне пришел гостиничный мальчик-посыльный в сюртучке с начищенными медными пуговицами и парадном кепи с названием отеля. Он сообщил, что меня дожидается штабс-капитан, а вот фамилию он забыл, малороссийская какая-то. Получив свой пяточок серебром и зажав его в кулачке, он вприпрыжку побежал к лестнице вниз (лифтом пользоваться ему, видимо, запрещали, лифтовая машина, она – для господ-постояльцев). Я сообразил, что Панпушко, должно быть, ждет, и поспешил вниз.

Панпушко выглядел довольно веселым, непохоже, что он побывал под арестом из-за происшествия на полигоне. По его словам, генерал Софиано на следующий день вызвал генерала Демьяненко и, по слухам, хорошенько его «пропесочил» за то, что тот послал статского, то есть гражданского, метать боевой снаряд. Софиано хотел даже извиниться передо мной и велел Демьяненко отыскать меня, а Николай Афанасьевич поручил это сделать Панпушко, отчего Семен Васильевич и знает все подробности «генеральских разборок». Но я уже уехал, а генерал Софиано велел продолжать испытания гранат и сказал, что походатайствует перед пехотным начальством о привлечении к испытаниям пехотных офицеров из Ораниенбаумской офицерской школы, но пока никто не появлялся. Заместитель генерал-фельдцейхмейстера распорядился, чтобы Панпушко лично ему докладывал о ходе испытаний, чем вызвал злость Демьяненко, и бедный штабс-капитан оказался «между молотом и наковальней». Я задал вопрос, нельзя ли моим химикам приехать на полигон, чтобы пройти стажировку по изготовлению ТНТ?

Панпушко даже замахал руками.

– Что вы, Александр Павлович, – вскричал он, – и думать забудьте. После того случая генерал Демьяненко распорядился никого из статских на полигон не пускать, особенно, как он выразился, этого «индюка-изобретателя». Так что никаких стажеров!

– А если на полигон приедет военный чиновник, скажем из Главного Штаба, в чине титулярного советника или даже коллежского асессора, – спросил я взволнованного штабс-капитана, – неужели не пустят?

– Пустят, – ответил Семен Васильевич, – а кто этот чин из Главного Штаба?

– Я, – ответил ваш покорный слуга без ложной скромности, – на днях определяюсь на службу по военному ведомству. А со мной двух гражданских химиков пропустят?

– Может, и пропустят, – удивленно посмотрев на меня, сказал Панпушко. – Но вот если выяснится, кто их привел, то у меня могут быть неприятности. Давайте сделаем так, – предложил штабс-капитан, – я понял, что вам нужно подготовить людей для синтеза ТНТ на заводе вашего деда, не так ли? У меня все равно кончается сырье для получения ТНТ, а впереди еще дополнительные испытания, на которых настоял заместитель генерал-фельдцейхмейстера генерал от артиллерии Софиано. Поэтому я напишу рапорт об откомандировании одного из своих лаборантов, потолковее, на ваш завод, якобы с целью проверить качество синтезированного у вас ТНТ для последующего размещения заказа на закупку. Вы мне телеграфируйте, когда у вас все будет готово для синтеза, и я отправлю на завод своего унтера, он и обучит ваших людей на месте. Что у вас есть и где находится завод?

– Завод находится под Москвой, в Купавне, там заводы моего деда – Ивана Петровича Степанова. Сейчас строится отдельный цех для ТНТ, на расстоянии двух верст от других построек. Из того, что есть – я видел две цистерны: одна с толуолом, другая – с кислотой, они закопаны в землю и обвалованы, так что, если случится протечка, все попадет в специально вырытый карьер, а не пойдет в поселок или в реку. Оборудования пока никакого, и я просил бы вас или ваших лаборантов набросать примерную смету того, что надо для синтеза пятисот пудов ТНТ в год.

– Сколько? – переспросил Панпушко удивленно.

– Пятисот пудов в год, потом понадобится больше, но это будет уже не опытное производство, а отдельный завод со своей лабораторией. Я даже хотел предложить возглавить его вам с генеральским жалованьем и бесплатным домом, если бы у вас вдруг возникли проблемы по службе и грозила отставка. И вашим унтерам достойное место бы нашлось...

– Спасибо, я бы отказался, не могу, присяга и честь офицера не позволяют. А вот один из моих унтеров хочет оставить службу, – сказал штабс-капитан, раздумывая, – старший фейерверкер[6 - После реформы 1884 года чин соответствовал старшему (взводному) унтер-офицеру, имеющему три поперечные лычки на погонах.] Василий Егоров подал рапорт, решил уйти в отставку, – нет средств содержать семью: трое детей у него, жена больная и денег не хватает – лечить, учить, кормить, одевать, да еще за постой платить – никакого унтер-офицерского жалованья не хватит. Рапорт пока у меня, я хотел испросить для него прибавки жалованья, но, думаю, откажут.

– Вот пусть Василий и приезжает в Купавну, посмотрит, что за место, с кем работать, – сказал я Панпушко, – а платить я буду вдвое или даже втрое против его нынешнего жалованья, жилье бесплатное дадим – домик с палисадником и огородом. Будет у деда старшим мастером в новом цеху, справится?

Глава 2

«ВОТ ВАМ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ...»

Вот вам первое задание – в три пятнадцать, возле бани...

В. С. Высоцкий

Прибыв днем к Агееву, я увидел у него в кабинете еще одного полковника в форме Главного Штаба с серебряными аксельбантами. Агеев представил меня как будущего своего зама по техническим вопросам, автора нескольких изобретений, в том числе имеющих прямое военное назначение. Полковник неразборчиво пробормотал свою фамилию, так что придется обращаться к нему «господин полковник». Отрекомендовался он начальником шифровального

отдела Главного Штаба. Следует сказать, что никаких гражданских шифровальщиков, вроде бестолкового вольноопределяющегося Петеньки из романа господина Акунина и снятого по этому произведению фильма «Турецкий гамбит» вообще не могло существовать. Шифровальным делом занимались офицеры, окончившие Николаевскую военную академию по первому разряду, комплектовавшую русскую армию офицерами Главного Штаба и начальниками штабов соединений. То есть это были лучшие из лучших офицеры, имеющие хорошую теоретическую и практическую подготовку.

– Александр Павлович, полковник Агеев рассказал мне о сути и цели вашего предложения по шифровальному делу, – сразу, без экивоков, начал шифровальщик. – Хочу вас огорчить, подобная машина нам не нужна. – Видя, как вытянулось мое лицо, полковник продолжил, уже помягче: – Видите ли, я понял, что вы неплохо владеете математическим аппаратом, но для практических целей у нас все уже есть, я не буду вдаваться в подробности, они представляют государственный секрет, но русский код еще никому не удалось взломать. Тем не менее мне интересно послушать, на каких принципах может работать ваша машина.

– Господин полковник, машина использует двоичный код и может проводить сложные вычисления, в том числе и с комплексными числами, – пояснил я. – В качестве элементов, обеспечивающих бинарное кодирование чисел, используются простые электромагнитные реле, которые уже много лет производятся в России компанией «Сименс Гальске».

– Мне показался интересным этот подход, – продолжил шифровальщик. – Тем более что он позволяет проводить сложные инженерные расчеты, например, когда нужно извлечь квадратный корень из отрицательного числа. Такие расчеты полезны инженерам, занимающимся, например, колебательными процессами, а вот в военном деле я пока не вижу ему применения, по крайней мере в обозримом будущем.

«Вот тебе и раз, облом-с», – подумал я, а вслух произнес:

– Спасибо за откровенность, господин полковник, но ведь вы же не будете отрицать теоретическую значимость подобного вычислителя?

– Конечно, не буду, – ответил главный шифровальщик Империи, – в конце концов, это очень интересная математика. Полковник Агеев сказал, что вы хотели построить такую машину на свои средства, поскольку вы человек обеспеченный. Так вот, я вас просто хочу предупредить, что государство такую математическую игрушку не купит. Университет мог бы дать денег на «чистую науку», но, как выпускник университета, вы же знаете, насколько богат Петербургский университет, – там, в его закромах, как говорится, мышь от горя повесилась, а уж что и говорить о провинции, включая Москву. Так что, зачем вам тратить свои деньги на дорогую математическую игрушку, молодой человек, – она себя никогда не окупит! вспомните про судьбу машины Бэббиджа, на которую британское правительство потратило в первой половине нашего века около двадцати тысяч фунтов – астрономическая сумма! Если вы в курсе, то машина никогда так и не заработала в полную силу: то есть валы крутились, диски с цифрами – тоже, но качественного прогресса этот механический монстр не дал. Так и ваши реле – быстрое действие их низкое, несколько десятков хороших расчетчиков справятся быстрее, а ломаться ваша машина будет часто...

– Я понимаю, что это не совсем ваш профиль, господин полковник, – не унимался я, – но, может, вы посоветуете использование релейной вычислительной машины для расчета координат при артиллерийской стрельбе. Я понимаю, что она займет большое помещение, и даже на самый большой броненосец ее скорее всего не поставит, но, может быть, перспективно использовать ее для расчета таблиц стрельбы фортов Кронштадта?

– Я не артиллерист, – заметил полковник, – но мне кажется, такие таблицы давно рассчитаны, и в какой-то мере эффективность стрельбы кронштадтских позиций охладила пыл англичан, когда они мобилизовали свой Гранд Флит и хотели послать его бомбардировать Петербург после обострения обстановки на южной границе Империи. Поняв, что это не Александрия, форты которой они разнесли в клочья огнем с моря, гордые бритты отказались от этой идеи, узнав, насколько защищен Петербург орудиями фортов Кронштадта. Да и с артиллерией ничего не выйдет – существуют линейки и планшеты, которые проще и лучше подходят артиллеристам, а фарватер Финского залива давно пристрелян береговыми батареями.

Мы еще поговорили о математике, но уже стало ясно, что идея с релейной вычислительной машиной еще не созрела – ей нечего делать в этом времени.

Вот такой бывает «горькая участь попаданца» – он думает, что аборигены будут слушать его раскрыв рот и внимать каждому слову новоявленного «гуру». А нет, им его прорывные технологии и вовсе не нужны, не созрело еще до них общество. Вот в тридцатых годах двадцатого века вычислительная машина Штибица на четырех с лишним сотнях реле была востребована, пусть и на одно действие уходило около минуты. Быстродействие удалось повысить, доведя количество реле до полутора десятков тысяч, но уже были на подходе ламповые ЭВМ, и релейные машины тихо умерли. А ведь во время Второй мировой войны усовершенствованная машина Штибица, сотрудника американской компании «Белл», участвовала в опытах по обеспечению противовоздушной обороны, а ее последняя модель так и называлась – «баллистическая», думаю, не надо объяснять, почему.

Потом полковник-шифровальщик ушел, а я остался в кабинете Агеева. Агеев смотрел на меня сочувствующим взглядом.

– Ну, вот видите, дорогой Александр Павлович, все же надо предварительно обращаться к специалистам, – сказал мой будущий начальник (а может, уже и нынешний, с чего это он мне предложил принарядиться перед визитом к генералу Обручеву), – а то бы конфуз мог выйти в кабинете Николая Николаевича. Но мы туда все равно отправимся, поскольку вы должны собственноручно подать прошение о приеме на службу, моя виза на бумаге уже есть, и она, как вы можете убедиться, положительная.

Потом мы прошли в кабинет Обручева, где полковник Агеев официально представил меня как кандидата на должность его зама по техническим вопросам, а я подал генералу бумагу с визой Сергея Семеновича.

– Ну что же, молодой человек, прошение ваше будет рассмотрено сегодня же, поскольку мне через час назначен доклад государю, в том числе и о технических разведочных делах, – сказал генерал, принимая мое прошение о приеме на службу. Полковник Агеев сегодня же проинформирует о решении его императорского величества относительно вашей кандидатуры, и, если решение будет положительным, ознакомит вас с первым заданием. И вот еще что, поскольку вы у нас известный изобретатель, хочу предупредить, что все ваши изобретения, сделанные в период нахождения на государственной службе и имеющие военное значение, будут принадлежать Российской империи. Естественно, в том случае, если они будут оценены как имеющие пользу для военного дела. В таком случае за передачу прав по изобретению вам полагается

денежное вознаграждение, продвижение по службе или награждение орденом. Надеюсь, вам это понятно?

Услышав, что понятно, и я согласен послужить на благо Отечества, генерал кивнул и дал нам осознать, что аудиенция окончена.

Про себя же я подумал, выходя из кабинета начальника Главного Штаба, что как же хорошо, что привилегии на СЦ, ТНТ, да и на газовую маску были получены до моего поступления «под крыло» Агеева. Кстати, а ведь он мне обещал свободу творчества и патентование изобретений. Как же так? Видимо, полковник понял, какие сомнения меня терзают:

– Александр Павлович, когда мы с вами говорили о ваших правах на военные изобретения, я имел в виду, что ваше авторство, безусловно, будет сохранено, хотя, возможно, некоторые изобретения будут засекречены, – убеждал меня полковник в ответ на напоминания о нашем предварительном разговоре. – Но вы же получите за них вознаграждение, не так ли?

Я кивнул головой. Все так, но чувство, что меня «развели», осталось. Хорошо еще, что с релейной машиной так вышло. Представим, что я потратил весь свой капитал на ее создание, а такой вот полковник-шифровальщик сказал бы, что для военного дела она бесполезна. И что? Плакали мои денежки? Подарить ее потом университету, где ее раздербанят на релюшки для физических опытов? Нет, благодарю покорно, я как-нибудь без этого проживу, а, если машина не нужна, значит, время ее не настало... У Беббиджа же полвека назад тоже ничего не получилось – машину разобрали на шестеренки, а то, что сейчас показывают в Британском музее – это реконструкция...

С такими мыслями я тащился по коридору за Агеевым, когда он предложил мне пойти пообедать в офицерскую столовую, здесь же, в штабе.

– Лучше подождем возвращения генерала Обручева от государя, заодно и попробуете наших разносолов, – сказал полковник. – Поскольку в прошлый раз вы меня потчевали, то сегодня приглашаю я.

Столовая произвела приятное впечатление чистотой и выбором блюд, хотя, поскольку шел предрождественский пост, то меню было постным, а вот таких щей с грибами я вообще никогда не ел. Пока ели да неспешно пили чай с

лимоном, прошло полтора часа.

После обеда пошли к Агееву, говорили еще часа полтора о порядках в Главном Штабе, из чего я сделал вывод, что полковник уже числит меня своим замом. Потом сидели в приемной у Обручева, наконец, через час генерал появился и пригласил нас зайти.

– Поздравляю вас чином коллежского асессора по Военному министерству, Александр Павлович, и с назначением заместителем полковника Агеева, – торжественно сказал генерал. – Указ будет сегодняшним днем, и старшинство в чине пойдет так же, а бумагу из Канцелярии ЕИВ о пожаловании чином получите позже, когда ее подготовят. И еще, мне показалось, что государь уже наслышан о вас, так как обычных в таком случае вопросов он не задал вообще.

Когда мы вышли от генерала, Агеев обратился ко мне:

– Поздравляю, ваше высокоблагородие, – подмигнул мне Агеев, – когда проставляться будете?

– Да хоть сейчас, – ответил я в том же веселом тоне, – но вообще-то, как положено, когда от вас звездочки получу, раз уж чиновникам погоны не положены[7 - Через некоторое время военным чиновникам введут узкие серебрястые погоны, вроде тех, что носят сейчас военные медики, которые тоже имеют статские чины, несмотря на погоны и эполеты.].

– Да я знаю, – за вами не пропадет, – поддержал общее настроение Агеев. (Было видно, что он за меня рад, поскольку генералу удалось добиться мне более высокого чина, чем могло быть.)

В кабинете Агеев сразу стал серьезным и сказал:

– Для начала подпишите бумагу о сохранении военной тайны, поскольку с этого дня вы будете иметь дело с государственными секретами.

После того как я поставил свою подпись, Агеев продолжил:

– В настоящий момент проходит перевооружение русской армии на системы стрелковых вооружений с малокалиберным патроном трехлинейного калибра[8 - Калибр измерялся в дюймах и линиях. Линия – одна десятая дюйма, 2,54 мм, то есть трехлинейный калибр – это 7,62 мм.] вместо патрона калибром 4,2 линии, который использовался в винтовке системы Бердана и револьвере «Смит-энд-Вессон», ранее принятых на вооружение российской армии. Конкурс на трехлинейную винтовку практически уже идет, основные участники: наш капитан-оружейник Мосин и бельгиец Наган. Надо сказать, что во время конкурса обе винтовки имели приблизительно одинаковые показатели меткости и скорострельности, но большинство членов комиссии проголосовали за винтовку Нагана.

Вот вам, Александр Павлович и предстоит разобраться досконально в вопросах приоритета, и есть ли у Леона Нагана права на этот приоритет, то есть не страдают ли интересы Империи и нет ли в этом злого умысла? – поставил мне задачу полковник. – Работать с материалами будете только в моем кабинете, поскольку с вашим кабинетом вопрос еще не решен. Если будете выходить из кабинета ненадолго, то дверь обязательно закрывайте на ключ. Потом вам предстоит на месте ознакомиться с испытаниями, но, если придется посещать другие учреждения официально, то делать это надо в мундире – поэтому вы сегодня же посетите портного, который выполняет заказы для офицеров и чиновников Главного Штаба. При поступлении на службу комплект обмундирования вы построите бесплатно, а также получите на складе необходимое снаряжение, оружие у вас уже есть[9 - Оружие офицеры покупали всегда только за свои средства, даже при производстве в офицерский чин, когда их обмундировывала казна. Потом, естественно, обмундирование по мере износа приходилось покупать.]. Потом вам придется все обмундирование и снаряжение покупать за свои деньги.

Теперь мне все время приходилось сидеть у Агеева, знакомясь с результатами испытаний. Мундир мой должен быть готов через неделю, мне он был нужен и для того, чтобы представиться начальству по случаю назначения и производства в чин.

За это время приехали два химика, оба молодые, из выпускников Московского университета, закончили один три, а другой – четыре года назад, и, помыкавшись, поняли, что ничего лучшего, кроме как места учителей в гимназии им не найти, а ведь хотелось стать учеными и работать с чем-то новым. Я их

помнил еще по конкурсу в Купавне: одного звали Петром Вознесенским, был он сыном сельского священника, готовился было поступить в духовную семинарию и пойти по стопам отца, как тот того и хотел, но после смерти старого священника его сын ушел с первого курса семинарии (подозреваю, что его вытолкали оттуда за материалистические высказывания) и учился, что называется, «за медные деньги» в университете. Второй, Мефодий Парамонов, был вторым сыном владельца лудильной мастерской, из московских мещан, отец его задался целью дать гимназическое, а потом и университетское образование умненькому младшему сыну (старший должен был унаследовать отцовское дело). Мефодий, кроме того, что добросовестно учился и знал химию и физику, мог многое делать своими руками и обладал сметкой конструктора лабораторного оборудования. Многие его идеи, как я потом убедился, можно было патентовать, и в конце концов он получил несколько патентов-привилегий. Воскресенский и Парамонов начали свою стажировку у приват-доцента Северцева, но через пару дней пришли ко мне в «Асторию» с жалобой на Северцева, который явно скрывал некоторые особенности производства СЦ. Пришлось идти с ними к профессору Дианину и разбираться с Северцевым, после этого жалоб от моих химиков не поступало.

Панпушко тоже держал меня в курсе событий: ему не удалось добиться повышения жалованья для старшего фейерверкера, а вот по поводу его командировок на завод в Купавне, для контроля качества производимого там ТНТ, возражений не было и унтер убыл в командировку. На вокзале его встретили представители завода, и сейчас фейерверкер передавал опыт производства ТНТ молодым химикам в лаборатории. Также он привез смету на сырье и оборудование, составленную Панпушко, и проконтролировал закупки ингредиентов, проследив за тем, чтобы они были надлежащего качества.

Обратившись к Агееву с вопросом, где можно в центре подыскать приличную квартиру за не очень большие деньги, я был слегка ошарашен тем, что мне, как заместителю начальника отдела Главного Штаба, оказывается, полагалось служебное жилье, поэтому не шел вопрос о выплате мне квартирных к жалованью. Агеев предложил занять квартиру в доходном доме на Миллионной, где были служебные квартиры некоторых начальников отделов и их замов. Полковник хотел сделать мне сюрприз, так как в квартире сейчас ремонт и ее должны меблировать. Ремонт должны закончить на днях, так же как мой мундир, и к представлению меня начальнику Главного Штаба все должно быть сделано, а мебель расставлена. Прислугу я буду оплачивать сам. У Агеева квартира в этом же доме, так что одна и та же горничная могла бы убирать и у меня, естественно, за небольшую доплату, рубля три-четыре[10 - Женской

прислуге такого рода платили от трех до восьми рублей в месяц.] в месяц. Так что, если я не очень спешу, не мог бы я пожить несколько дней в «Астории»?

Я же тем временем знакомился с материалами конкурса на новую трехлинейную пачечную (то есть магазинную) винтовку, изучал документы и отчеты.

В конце XIX века в Европе отчетливо запахло порохом, назревал очередной передел мира, закончившийся Первой мировой войной, а для нас и ее прелюдией, русско-японской. В Российской империи вопрос перевооружения армии новым оружием встал сразу с окончанием русско-турецкой войны 1877–1878 годов. К этому времени стало ясно, что винтовка Бердана не отвечает современным требованиям (она была однозарядной, тяжелой и неуклюжей), а револьвер «Смит-энд-Вессон» был также слишком тяжел для личного оружия офицера. Требовалось что-то более легкое, скорострельное и надежное. К этому времени уже было очевидно, что калибр 4,2 линии (линия – это одна десятая дюйма, 4,2 линии составляют 10,67 мм – это и был калибр винтовки Бердана и револьвера «Смит-энд-Вессон») избыточен и пуля калибра 7,62 мм (3 линии) по всем параметрам подходит для армейского оружия. Этот калибр и был принят как желаемый. Сначала в России был объявлен конкурс на новую армейскую винтовку калибра 7,62 мм.

Уменьшение калибра с 4 линий, как в однозарядной винтовке Бердана, до трех (это и стало причиной обозначения новой винтовки как «малокалиберной») сулило уменьшение веса оружия и боеприпасов, а промышленное производство бездымного пироксилинового пороха и патронов с латунной гильзой обеспечивало высокую начальную скорость пули, а при этом пробивная способность пули стала выше в несколько раз. Дискуссионным было само применение магазинных или, как их еще называли, «пачечных» винтовок – не все признавали их преимущества (резко повышался расход патронов), да и конструкции механизмов подачи патронов были сложными и ненадежными: затворы часто заклинивало от подачи сразу двух патронов.

Привлеченные баснословными прибылями, которое сулило перевооружение самой большой армии мира, в Россию прибыли представители известной оружейной фирмы братьев Наган. На заводах Нагана в Льеже уже производилась винтовка Ремингтона с усовершенствованиями, которые внес талантливый инженер-оружейник Эмиль Наган[11 - Из двух братьев именно Эмиль был талантливым оружейником, а Леон, который морочил всем голову в Петербурге, был, как бы сейчас сказали, менеджером-продажником. Когда

Эмиль ослеп и не смог работать, один Леон уже ничего нового выдумать не мог и фирма жила тем, что производила ранее.].

В конкурсе участвовали три винтовки – капитанов Зиновьева, Мосина и бельгийская винтовка фирмы Нагана. Капитан, а уже в ходе конкурса – полковник Мосин, зарекомендовал себя как талантливый инженер-оружейник, который мог составить достойную конкуренцию бельгийцам[12 - Сергей Иванович закончил Михайловскую академию и успел уже поработать в качестве военного инженера в Туле и Сестрорецке, тогдашних центрах оружейной промышленности России. Да и капитаном С. И. Мосин был по гвардейской артиллерии, что на звание выше, чем в армии. Для того чтобы и материально и морально заинтересовать талантливых людей работать в оборонной промышленности, император Александр III присваивал гвардейские чины офицерам, занимавшим инженерные должности на оружейных заводах.].

Когда был объявлен открытый конкурс на лучшую винтовку для перевооружения русской армии, капитан Мосин предложил трехлинейную винтовку со срединным расположением магазина и оригинальным устройством подачи патронов из магазина путем введения в механизм отсечки-отражателя, которая отсекала подачу одновременно двух патронов вместо одного и служила для выбрасывания – «отражения» стреляной гильзы.

Винтовка была предназначена под патрон 7,62 мм, разработанный русским конструктором Велтищевым на основе французского патрона с бездымным порохом.

В лидеры вышли магазинные системы Мосина и Нагана. Сначала у винтовки Нагана было больше задержек при стрельбе, но через некоторое время показатели скорострельности сравнялись с винтовкой Мосина, а потом и вовсе превзошли ее, поэтому большинство членов комиссии (14 против 10) проголосовали за винтовку Нагана. Возможно, что на результаты голосования повлияли отзывы офицеров трех армейских полков, куда выдали опытные образцы для ознакомления – всем им больше понравилась винтовка Нагана, более тщательно собранная и отделанная. Все же русская винтовка была проще, дешевле, да и после доработки обещала превзойти бельгийца, что отметили и некоторые члены комиссии.

В ходе испытаний выяснилось, что Наган успел получить привилегию на свою конструкцию, а у Мосина патента-привилегии не было (он получил ее на

некоторые части винтовки уже после принятия ее на вооружение), спорить о приоритете было трудно, а перевооружение русской армии новыми винтовками не терпело отлагательств. В Контракте № 3292, заключенном Главным артиллерийским управлением с бельгийским фабрикантом Л. Наганом 11 октября 1890 года, говорилось: «...если ружья Леона Нагана будут приняты на вооружение русских войск, уплатить ему, Нагану, в виде премии двести тысяч рублей кредитных, после чего все права пользования системой ружей Леона Нагана переходят к русскому правительству».

Если отсечку-отражатель Леон Наган успел позаимствовать у капитана Мосина, то вот затвор был «мосинский» – с компоновкой затвора без винтовых соединений, для чего Сергей Иванович доработал уже известную конструкцию скользящего затвора, доведя ее до той простоты, которая свойственна совершенству. Сергей Иванович сам подчеркивал, что затвор разбирается и собирается без отвертки, нет ни одного винтового соединения (у Нагана в затворе было два винта). Судя по всему, у бельгийских винтовок детали, напоминающие отсечку-отражатель Мосина, появились лишь в ходе конкурса.

В документах, которые я получил у Агеева, было упоминание о том, что еще до конкурса бельгийским инженерам были переданы детали русских винтовок, в том числе, возможно, и ствольная коробка с отсечкой-отражателем.

И вот теперь разгорелся небольшой «скандал в благородном семействе».

Когда встал вопрос о названии новой винтовки, то многие члены комиссии высказались против наименования ее винтовкой Мосина, мотивируя тем, что конструкция содержит элементы многих авторов. Несомненно, участие Мосина и Нагана, но ведь ствол и некоторые элементы затвора были разработаны при участии группы полковника Роговцева, он же проводил испытания и доработку патрона для новой системы. От винтовки Нагана в окончательном русском образце был принят принцип наполнения магазина патронами и пластинчатая обойма. Были предложения назвать винтовку «комиссионной», по слухам, и генерал Чагин, как глава комиссии, желал увековечить свое имя.

Вот такой вывод я и написал Агееву: в конструкции русской винтовки есть составные части обеих систем: как капитана Мосина, так и промышленника Нагана. Из-за недалёковидности чиновников бельгийцу еще до конкурса были переданы детали винтовки Мосина, включая разработанную капитаном отсечку-отражатель. Косвенным доказательством этого следуют результаты протоколов,

показывающие резкое уменьшение задержек при стрельбе у бельгийской винтовки: если в начале испытаний винтовка Нагана давала в два раза больше задержек при стрельбе, то потом она волшебным образом начала превосходить винтовку Мосина по этому параметру (превосходство, кроме введенной в конструкцию бельгийца русской детали отсечки-отражателя, обеспечила более качественная технология обработки деталей бельгийской винтовки). Причем Леон Наган успел получить патент в России на все детали винтовки.

Забегая немного вперед, чтобы завершить этот этап моей работы, скажу, что во время разбирательства выяснилось, что комиссия хотела сэкономить 200 тысяч рублей, полагавшиеся Нагану в случае принятия его винтовки на вооружение, и поэтому предложила название «комиссионная» или «русская» без упоминания имени автора. Однако Наган заявил, что даже если второстепенные детали его винтовки будут приняты на вооружение, это означает, что он должен получить всю сумму премии. Таким образом, главным препятствием для принятия на вооружение новой системы могли стать патентные тяжбы с бельгийцами. Видимо, поэтому император Александр III вычеркнул и слово «русская» из предлагавшегося названия, и винтовка стала просто «Трехлинейной винтовкой образца 1891 г.», а относительно материальных претензий Нагана, собственноручно начертал: «Выдать оружейному мастеру Леону Нагану 200 тысяч рублей за предложенное им для нашей армии ружье»[13 - В западной литературе принятую на вооружение в 1891 г. винтовку до сих пор именуют винтовкой Мосина - Нагана, мотивируя тем, что русские просто так не стали бы платить колоссальную сумму бельгийцу.]. По-видимому, экономический подход все же преобладал над первоначальным решением комиссии, отдавшей пальму первенства Нагану, - при массовом производстве более простая в технологии винтовка Мосина сулила немалую экономию[14 - Когда была подсчитана эта экономия, оказалось, что при производстве 2 миллионов винтовок экономится до 6 миллионов рублей. Лекала для массового производства были подготовлены самим С. И. Мосиным. Это дало дополнительную экономию до 8 миллионов рублей, ведь раньше лекала для винтовок Бердана приходилось заказывать за границей. Качественные лекала позволяли унифицировать производство на разных заводах и облегчали приемку, которая проводилась весьма оригинально: 100 винтовок из каждой партии разбирали на детали, перемешивали их и затем вновь собирали оружие. После этого проводились стрельбы, и, если они давали неудовлетворительный результат, браковали всю партию винтовок.].

Представление мое по начальству вышло достойным: мундир сидел как влитой, а петлицы с двумя просветами и двумя звездочками с расположенной между ними эмблемой Главного Штаба выглядели весьма внушительно. Внушительнее

выглядел и Агеев в парадной форме полковника Главного Штаба (нам было положено представляться генералу вместе, как начальнику и его заместителю, двух других замов по оперативным вопросам пока не было – Агеев их усердно искал) – у него было два ордена; Анна и Станислав 3-й степени и оба с мечами за военные заслуги. Всего в разведывательном отделе должно было быть полтора десятка человек, из них пятеро офицеров, но пока нас было всего двое. Генерал поздравил нас, а вечером мы устроили у меня небольшую пирушку по случаю производства и вселения в квартиру.

Наутро я доложил о своих изысканиях, полковник остался доволен моим расследованием и сказал, что у меня еще будет возможность лично познакомиться с Сергеем Ивановичем, так как он не только умный и талантливый конструктор, но человек интеллигентный и в высшей степени приятный в общении. А вот с некоторыми малоприятными личностями иностранного происхождения мне предстоит встретиться буквально через несколько недель. Речь идет о партнере конструктора Хайрема Ма?ксима, Базиле Захарове.

– Вот, ознакомьтесь с материалами, – сказал полковник и передал мне под роспись толстую папку. – Захаров приезжает в Петербург, поскольку весной, когда просохнут дороги, будет показ облегченного универсального лафета для всех типов картечных (в России имеются модели Норденфельда и Гатлинга) и пулемета Максима новой конструкции. Государь заинтересовался, что нового придумал Максим, и теперь это проталкивает Захаров, поскольку сам император в свое время успел пострелять из пулемета старой модели. У него осталось двойственное впечатление: с одной стороны, машинка эффективная, с другой стороны, большой вес и расход дорогих боеприпасов. Вот Максим и озаботился сделать приемлемый для русской армии вариант, да еще и картечные пристроить на новый лафет. Картечных этих Российская империя в свое время закупила достаточно много, часто их называют французским словом «митральезы», но в ходу и русское название «картечные», хотя по сути это – предтеча пулемета.

Я расписался и отправился в свой кабинет, где у меня был сейф для хранения бумаг такого рода. За то время, что я разбирался с конкурсом на «пачечную» магазинную винтовку, впрочем, еще не закончившимся той резолюцией императора, о которой я упомянул выше, но знал об этом из предыдущей истории благодаря своим публикациям на оружейную тематику (хобби у меня такое было после выхода на пенсию, пока зрение совсем не сдохло)[15 - Об этом

хобби попаданца упоминалось в первой книге, так что здесь он был «в своей тарелке», с некоторым послезнанием.]. Как и знал то, что Сергей Иванович получит за винтовку премию в 20 тысяч рублей и золотую медаль Михайловской академии. Премию он потратит на «выкуп» будущей супруги у ее мужа. Хотел бы я посмотреть на этого типа, который торговал собственной женой как породистой лошастью. Вызвать бы его на дуэль[16 - Сам Мосин дважды вызывал его на дуэль, один раз вообще в тульском Дворянском собрании, а тот еще и жалобу на капитана накатал, и Мосину влетело от начальства за то, что у мужа, мол, венчанную жену отбиваешь, а тот и не жил с ней.] и прикончить, и кучу денег Мосину сэкономить. Тем более что в подвале Штаба был тир, и мы часто с Агеевым туда ходили. У него был точно такой же наган, как и у меня, а результаты стрельбы пока получше, но в ростовую мишень с десяти саженой и я не промахивался, так что если на полигоне я и «промазал» по одному чучелу[17 - См. Книгу первую, последняя глава.], то это от волнения. Подмышечную кобуру, как и разгрузку-«лифчик» для подсумков с обоймами для винтовки и на четыре гранаты я подал на привилегию (количество подвешиваемого снаряжения можно варьировать, как и в девайсе двадцатого века, другое дело, что здесь вся подвеска - на пряжках), правда если в результате испытаний кобуру и разгрузку признают полезными, то выплатят премию: не такую как у Мосину, поменьше, но все же что-то должны дать. Преимуществом является то, что военные патенты считаются секретными и привилегии на них бесплатно дает само Военное министерство, но после этого - обязательные испытания в войсках.

Еще я знал про то, что Мосин за винтовку получит орден Святой Анны 2-й степени, а еще раньше стал полковником по гвардейской артиллерии и позже возглавит Сестрорецкий завод, а вот умрет он от пневмонии где-то в начале двадцатого века - надо делать что-то, что может его вылечить: либо сульфаниламиды длительного действия, менее токсичные, чем полученный уже мной стрептоцид, либо, даст Бог, удастся разработать пенициллин - все же десяток лет впереди есть, займемся и биотехнологией (не я, конечно, у меня образования не хватит, но есть же талантливые ребята, вроде Вознесенского и Парамонова, которые, закончив стажировку, вернулись налаживать в Купавне синтез СЦ). Старший фейерверкер Егоров, побывав на заводах деда и увидев, как живут мастера, вернулся в Петербург и написал рапорт об увольнении со службы, тем более что унтерский сверхсрочный срок он выслужил и здесь ему ничего не светило. В Купавне дед лично говорил с ним, подтвердил все условия: 600 рублей в год и домик с палисадником и огородом, если отработает десять лет - дом переходит в его собственность. Вот и славно будет - не погибнет фейерверкер вместе с Панпушко при взрыве в конце ноября этого года, ведь вроде как Панпушко прекратил опыты с мелинитом, но хорошо бы штабс-

капитана вообще на этот период как-то с полигона убрать – надо подумать как...

Глава 3

НАГРАДА НАШЛА ГЕРОЯ

Император Александр III расхаживал по своему кабинету, а в просторном кресле сидел его друг и собутыльник – начальник личной охраны генерал-лейтенант Черевин. С императором наедине он был на ты, и обращались они друг к другу по именам. Государь был в домашнем сюртуке, но с шейным Георгием, Черевин – в свитской казачьей форме с крестом Святого Георгия 4-й степени на груди. В кабинете сбоку был свод, отчего потолок казался ниже, чем был на самом деле, и, расхаживая по кабинету, царь слегка сутулился, что он не позволял себе на людях, как будто на его плечи давил груз государственных дел. Александр Александрович остановился у окна и смотрел на затухающее закатное небо. «Да, у стволов деревьев уже появились первые проталины, – заметил царь, – считай, зима прошла, даже в наших северных широтах». Потом он обернулся к Черевину:

– Вот не знаю, что делать, Петя, – сказал император всероссийский, – скоро Пасха...

– Государь, так до Светлого Христова Воскресения еще побольше месяца будет. Что за тоска тебя гложет, Саша, – ответил близкий друг и наперсник. – Давай лучше по рюмочке, пока Маша не видит, вот тоска и пройдет, – Черевин достал плоскую фляжку из-за голенища просторного сапога.

– погоди ты с рюмочкой, ишь, неугомонный какой, – царь с неодобрением взглянул на покрытое алкогольными прожилками лицо друга [18 - Современники оставили следующие оценки: это был человек «умный, добрый, честный, постоянно выпивши. Лицо подернуто алкогольной окраской, острый нос, отвисшие вниз усы и шутовское приветствие на улыбающихся губах» – так описывал близкого друга царя В. С. Кривенко, начальник канцелярии Министерства двора.], – пить тебе поменьше надо, Петя, помрешь – что я без тебя делать стану!

– Так что за кручина у тебя, «надежа государь», – али обижают кто? Так я сейчас казаков кликну, они враз супостатов в бараний рог скрутят, что «унутренних, что унешних», – спародировал Петя бравого хорунжего.

– Да нет никаких врагов, не видать – все тихо, что в Империи, что на границе. Вот к Пасхе наградные списки надо составлять, – а у меня на одного человечка целых три представления к награде и все на Анну третьей степени. Дать одну – как-то нехорошо получится... – ответил государь.

– А что за человечек-то? – любопытствовал друг-собутыльник Петя.

– Да есть тут один ассессор по Главному Штабу в разведывательном отделе, у полковника Агеева его заместителем служит.

– Постой, не Сергея ли Семеновича? Он, как и я, из гвардейских корнетов, только помоложе меня лет на двадцать пять будет, вы-пустился с отличием из Николаевского училища, да по деньгам не потянул службу в гвардии, обеднела семья, и я его сам соблазнил перейти в Жандармское, которым тогда последний год командовал, офицером по особым поручениям, для дел сложных и государственной важности. Выходит, не ошибся в нем: дельный и умный офицер, надеюсь, что и помощники у него такие.

– Так на полковника Агеева тоже представление есть, к Владимиру четвертой степени с мечами, не успели сразу наградить, когда англичане вздумали взбунтовать князьков в Туркестане, – объяснил Черевину царь подвиг его протеже. – Там форменный бой был на границе – полусотня казаков с Агеевым против тысячи, а то и больше басурман с английскими офицерами во главе, – и ничего, отбили в горах, как в Фермопилах царь Леонид против персов[19 - Имеется в виду бой трехсот спартанцев в Фермопильском ущелье против армии персов.].

– Да, геройский офицер, достоин и Георгия, – сказал Черевин, – что ж не дать, как достоин. Против превосходящих сил врага...

– Нет, Петя, не одобрила это представление Георгиевская дума, там дело секретное, нельзя им было всего знать, – ответил царь озабоченно. – Пусть уж я этому офицеру должен буду, хотя и одобрил ему отдел разведывательный набрать и полковника за заслуги получить. Он ведь тут еще двух шпионов с их

помощниками раскрыл...

– Шпионов? Давненько у нас никого не ловили, все больше бунтовщиков-революционеров, а вот про шпионов не слышал, а что за помощники, не понял я? – захотел уточнить детали генерал. – Шпионские или агеевские?

– Да и те и другие были, – усмехнулся царь, вспомнив смешное. – Мне тут Николай Николаевич рассказывал, они, шпионы эти, агеевского помощника в плен взяли и предложили секреты им рассказать, бумагу о сотрудничестве с британской разведкой подписать, да еще обещали ему дать денег, титул и дом в Лондоне, а если, мол, не согласишься – в бочке с дерьмом утопим. Так помощник этот на всех листах им по английскому матерному слову подписал – а вместе самое срамное ругательство у них получилось. Шпион, как увидел, аж позеленел – Агеев был в соседней комнате и все через щелку видел и слышал, – царь расхохотался. – Обручев говорил, что сам эти листы видел, так и выведено, как подпись.

– Бравый помощник у Агеева, офицер, в каком чине? – улыбаясь, спросил генерал. – За это тоже наградить надо.

– Нет, статский чиновник, из купцов, – но головастый и храбрый. Вот второе представление на орден, – от товарища фельдцейхмейстера генерала Софиано, – царь взял другую бумагу, – генерал пишет, что во время испытаний изобретенных этим чиновником, Степанов его фамилия, ручных бомб, начиненных им же изобретенной взрывчаткой, по неловкости адъютанта одна из готовых к взрыву бомб выкатилась под ноги генералам Софиано и Демьяненко с их штабом. Сила взрыва была бы такая, что убило бы трех-четыре человека, а остальных покалечило. Так этот Степанов ухитрился бросить бомбу в окоп, где бомба взорвалась, никого не задев.

– Вот я и говорю, герой этот Степанов, хоть и из купцов, – все-таки ухитрился глотнуть из фляжки Черевин, – да еще и изобретает...

– А третье представление по изобретению Степанова от начальника Военно-медицинской академии, – продолжал царь, – и тоже на Анну третьей степени, но не положено же одинаковые награды давать, а если в черед, как положено, так сразу два шейных ордена будет: вторые Станислав и Анна, третий Станислав у него уже есть.

– Так он что, бомбами лечить вздумал, – хохотнул Черевин, как всякому алкоголику со стажем, ему было достаточно глотка, чтобы захмелеть, – кое-кому из этих докторишек тоже бомбу с фитилем надо вставить (куда вставить, генерал не успел уточнить).

– Петя, ты не дослушал, Степанов изобрел препарат, который испытывали в Академии почти полгода и получили отменные результаты при лечении обожженных и раненых, – стал объяснять Черевину царь. – Такого лекарства ни у кого в мире нет, будет только у нас в России, привилегии получены еще и во Франции, и британцы тоже дали патент, хотя и не сразу. За это лекарство да за новую взрывчатку его немецкий шпион вместе с товарищем и взорвал в их лаборатории, товарищ погиб, а Степанов сильно обгорел, пока его вытаскивать пытался. Это мне генерал Обручев рассказывал. А еще, кроме взрывчатки, Степанов для военного ведомства новое снаряжение изобрел, чтобы бомбы его сподручнее было солдатам носить, и во время испытаний новой винтовки членов Комиссии сумел помирить и изобретателя – полковника Мосина отстоять.

– Ну, наш пострел везде поспел. Я и говорю – герой, хоть и статский из купцов, – протрезвел Черевин и стукнул кулаком по ручке кресла. – Какие там три Анны, Владимира дать четвертого и с мечами, так как шпионов не побоялся, в огне выжил, товарища спасая, и двух полных генералов тебе, государь, для службы сберег. Конечно, только с мечами и Владимира!

– Ну, это ты лишку дал, – размышляя о чем-то, протянул царь, – хотя, может, ты и прав, дельный он, этот Степанов, а так теперь потомственным дворянином по кресту станет[20 - Орден Святого Владимира 4-й степени давал право потомственного дворянства до 1900 года, потом ценз подняли – орден Св. Георгия 4-й степени, либо Анна или Станислав 1-й степени, со звездой и плечевой лентой, либо Владимир 3-й степени на шею. Царь мог наградить за заслуги 4-й степенью ордена, минуя выслужную Анну 2-й и 3-й степени.], вот Обручев говорил, что он из семьи купцов-миллионщиков.

– Так для купчишек самая мечта – стать потомственным дворянином, – отчего-то воодушевился Черевин. – Ты представь, ваше величество, ведь мог бы Степанов этот на золоте есть-пить и с цыганами день-деньской гулять (странно представляет генерал купеческую жизнь, но простим ему это незнание), – так ведь за государство радеет, в пекло лезет и бомбы руками из-под генералов вытаскивает! Нет, сто раз достоин такой бравый купец Владимира с мечами!

– Ну, так быть посему – подписал царь представление, исправив Анну на Владимира с мечами. – И правда, геройский асессор, надо будет на него глянуть. Вот только асессора Владимиром награждать как-то не с руки, был бы хотя надворным[21 - Надворный советник – чин VII класса Табели о рангах, равен армейскому подполковнику. Ниже VII класса орденом Владимира 4-й степени, как правило, в мирное время не награждали. Вот в Первую мировую могли и поручика наградить, так как орден Святого равноапостольного князя Владимира давался за заслуги, а не за выслугу лет, но за 25 лет службы или 18 кампаний на море его тоже давали.]....

– Так дай ты ему надворного, ваше величество, – заворочался, усаживаясь в кресле поудобнее, Черевин, – геройский же чиновник, многим офицерам фору даст! Казнить так казнить, миловать так миловать, а жаловать так жаловать![22 - Выходит, генерал читал пушкинскую «Капитанскую дочку», раз не забыл слова Пугачева оттуда.] – генерал опять стукнул кулаком по ручке кресла.

– погоди, Петя, ты так мне всю мебель поломаешь своим кулачищем, – попенял другу царь, внося фамилию Степанова в список пожалования чинами к Пасхе[23 - В Империи пожалования чинами, да и вообще награждения обычно совершались два раза в год – на Рождество и на Пасху, хотя были и исключения: для генералитета или высших чиновников – ко дню ангела, за высокие заслуги – сразу после совершения подвига.].

– Так что же его начальник Агеев такого геройского совершил и почему Георгиевская дума в награждении ему отказала? – дождавшись, пока государь впишет фамилию, спросил Черевин. – Уж мне-то можешь сказать?

– Ну ладно, да гляди, не болтай об этом, – сказал царь. – Агеев с полусотней казаков был по ту сторону границы, чтобы поймать бежавшего главаря бунтовщиков вместе с главным шпионом – английским полковником. Они их схватили, но погоня настигла их еще до нашей границы. Казаки отстреливались до темноты, многие были убиты ответным огнем, а ночью пара пластунов забрались по отвесной скале, сняли вражеский дозор и вытащили веревками оставшихся в живых. Раненых пришлось оставить, они сами вызвались стрельбой отвлекать басурман, показывая, что русские на месте и продолжают драться. До границы шли бегом и на себе тащили пленных, а на переправе через реку англичанин ухитрился освободиться, бросился в воду, но утонул в бурной реке. На наш берег вышли всего восемь человек, Агеев был ранен в руку, но держался. Выживших наградили, семьям погибших дали пенсии. Но Думе[24 - Георгиевская

Дума имела право отклонить представление на награду, Александр III уважал Думу и не спорил с ней, так как сам был боевым генералом и имел Георгия 3-й степени, а вот Александр II и Николай II с Думой не считались – первый сам «возложил» на себя знаки Георгия 1-й степени в честь 100-летия ордена, а второй – не согласовывая с Думой, поголовно наградил всех офицеров и врачей (первый случай в истории ордена) «Варяга» и «Корейца» орденами Святого Георгия 4-й степени тогда, как «Кореец» даже не участвовал в том неудачном бою в Чемульпо.] ведь это не расскажешь, начальник Корпуса жандармов (Агеев тогда ему подчинялся) как-то расплывчато написал – «за дела против превосходящих сил неприятеля». А в Думе жандармов не любят (а кто их любит?), за что жандармскому подполковнику Георгия давать, за то, что шайку контрабандистов перестрелял – превосходящие силы, поди?

– Давай-ка я сам в Георгиевскую Думу съезжу, – попросил Черевин, угрожая зашевелив кустистыми бровями, – уж я им, старым пердунам, объясню, как боевого офицера обижать!

– Только подробностей, того, что я говорил про английского полковника и то, что было все на чужой земле, ни в коем случае не говори, – предупредил царь расхрипевшегося Петю. – Съезди, ты же сам старый пердун и тоже с Георгием, вот и найдете о чем поговорить.

Так, вернемся к Хайрему Максиму и его партнеру Захарову (вообще-то к греку Захариосу).

К моменту создания пулемета Хайрем Стивенс Максим[25 - Ударение на первом слоге, а не на втором, как у нас принято.] был уже изобретателем с именем: в электротехнике он конкурировал с самим Эдисоном, создав одновременно с ним электрическую лампу с угольным электродом[26 - Создал, а не изобретя, ибо у лампы с угольным электродом было много предшественников (более полутора десятков), но лишь Эдисону удалось сделать что-то более-менее пригодное для использования в быту. Среди создателей ламп были и русские: Яблочков – его «каолиновые свечи», где не требовался вакуум, освещали Невский проспект, а потом Париж, и Лодыгин – его привилегия в России была раньше патента Эдисона, но за границей Лодыгин не патентовал свое детище, лишь в 1906-м продал патент на лампу с вольфрамовой нитью компании Джeneral Электрик.] и добившись подряда на электрическое освещение первого здания в США. До этого у него были успешные проекты по газовому освещению, и все локомотивы

в Америке освещали себе путь газовым прожектором Максима, поэтому с электрическим проектом он справился успешно и на всемирной выставке в Париже разделил с Эдисоном номер журнала, посвященного чудесам электричества, и вместе с ним был удостоен офицерского креста ордена Почетного Легиона. То есть для Эдисона он представлял серьезную угрозу, и, по слухам, Эдисон выплатил ему приличные «отступные», чтобы Максим больше не занимался изобретениями в области электричества. По другой версии, один из знакомых сказал Максиму, чтобы тот бросил заниматься электричеством, так как можно гораздо больше заработать на оружии, помогая европейцам убивать друг друга.

Максим решил, что его машину для стрельбы будет приводить в действие короткий, всего на один дюйм, ход ствола назад после выстрела. Устройство для стрельбы, напоминающее пулемет, было создано в 1873 году, затем Максим занялся новыми изобретениями и проектами, и только через десять лет он вновь вспомнил о своем детище, доработал его, но ввиду сложной автоматики и этот прототип был ненадежным, только через два года появилось то, что мы можем назвать пулеметом Максима. Это было довольно громоздкое, тяжелое и неказистое устройство, но изобретатель решил продемонстрировать его потенциальным заказчикам. К этому он основательно подготовился, учтя опыт предыдущих неудач: одной из причин поражения в «электрической войне» с Эдисоном стала плохая патентная защита, и для пулемета Максим оформляет несколько патентов. Он основывает Maxim Gun Company вместе с несколькими партнерами, куда входил и британский «оружейный король» Веккерс, разрабатывает метод изготовления бездымного пороха для пулеметных патронов (иначе пулеметчик не видел цель из-за дыма).

В 1887 году Максим усовершенствует механизм подачи патронной ленты, так как подача патронов в его машинке для стрельбы без ленты была невозможна. И после неудачи показа в Британии (лорды решили, что машина громоздка и ненадежна, а расход патронов привел их в ужас) решил поехать в Италию. Здесь состоялась его встреча с представителем конкурирующей фирмы – Базилем Захаровым. Иногда Захарова считают русским (он и сам иногда поддерживал эту версию), но родителями Базилеуса Захариоса были греки, а русский, как и множество других языков, он хорошо знал из-за того, что детство свое провел в Одессе. В молодости он тоже перепробовал множество профессий: был сутенером, пожарным (в Стамбуле того времени это синоним рэкетира, так как пожарные тушили пожары за деньги, вымогая их у несчастных погорельцев). Не гнушались они и «трофеями» на пожаре, а, по слухам, часто сами устраивали эти самые пожары, если в городе давно ничего не горело, был менялой, торговал

чем только ни придется, пока не прибился в качестве агента к компании шведа Торстена Норденфельда – одного из крупнейших европейских торговцев оружием. Захарову было поручено участвовать в конкурсе против пулемета Максима, так как компания Норден-фельда производила собственный вариант «пулемета» – картечицу с неподвижными горизонтально расположенными стволами. И вот, на демонстрации в Специи, в присутствии итальянской аристократии, пулемет Максима не мог сделать ни единого выстрела, так как пулеметчик был пьян (его подпоил неизвестный «доброжелатель»). Следующие «смотрины» состоялись в Вене – в первый день пулемет дал несколько очередей и замолк – разобрав механизм, Максим понял, что здесь не обошлось без постороннего вмешательства. На второй день изобретатель сам взялся за рукоятки пулемета. В присутствии императора Франца-Иосифа, выпустив 330 пуль за 30 секунд, Максим выбил на мишени императорские инициалы F и J. Присутствующие, включая императора, были поражены, «пулемет» Норденфельда на этом фоне выглядел бледно. Казалось бы, успех полный, но кто-то нашептал высшему военному руководству, что, да, «Максим» – прекрасный пулемет, но их собирают поштучно, вручную, и только Норденфельд может обеспечить выполнение крупного заказа для императорской армии.

Максиму ничего не оставалось, как объединиться с Норденфельдом и Захаровым.

Хайрем Максим был прекрасным механиком и талантливым изобретателем, но плохим бизнесменом, быстро увлекался новым делом и не доводил начатого до конца. Базиль Захаров, наоборот, ничего не понимал в технике, но обладал природной деловой хваткой, был мастером интриг и подкупов. Норденфельд предоставлял свой капитал и производственные мощности. Новый альянс быстро довел дело до конца: Франц-Иосиф сам пострелял из пулемета и был очарован легкостью обращения с ним. На фабрике Норденфельда производились пулеметы калибра 11,43 мм, но можно было адаптировать их под патрон заказчика. Австрийцы, а затем англичане и немцы с удовольствием закупали пулеметы. Что касается России, то еще в 1887 военное ведомство приобрело несколько ранних пулеметов Максима для сравнения с картечицами Норденфельда. Надо сказать, что русское Военное министерство закупало новые образцы оружия во всех странах, для чего была учреждена сеть военных агентов (военных атташе) – мы предпочитали законно купить новый образец, а не красть его по-шпионски. Тем более что иностранцы охотно продавали русским даже «свежие» образцы оружия: все равно у этих варваров нет современного производства сложной техники и они прибегут к нам за готовыми изделиями, либо закупают у нас станки и технологии, и наши инженеры будут

получать двукратное по сравнению с русскими специалистами жалование на их же оружейных заводах.

Мнения русских экспертов разделились, но преобладало отрицательное: поражал расход дорогостоящих боеприпасов, и многие не видели преимуществ перед обычными шрапнельными снарядами – тактики применения пулеметов не было, а действие шрапнели многие недавно ощутили на себе во время русско-турецкой войны. В марте 1888 года в присутствии Александра III были проведены испытания пулемета Максима под патрон к винтовке Бердана калибра 10,67 мм, и царь лично опробовал новое оружие. Отзыв был положительным, но потребовалась доработка в связи с перевооружением армии под трехлинейный патрон 7,62 мм. Теперь мне предстояло участвовать в этих испытаниях на правах наблюдателя, а противником был волк бизнеса Базилеос Захариос. Кое-что я помнил из будущего, так что рассчитывал «уделать» волка его же оружием.

Василий Васильевич, как звали Захариоса в России, появился за две недели перед Пасхой с целью осмотреться и «проветилировать» обстановку. Про меня он даже не подозревал, поэтому я был спокоен и практически сразу после разговора с Агеевым о будущей демонстрации Захариосом лафета и пулемета я начал готовиться к бою с акулой бизнеса. С помощью чертежников Главного Штаба вычертил свои приспособления к пулемету Максима и даже сделал заготовку активного усилителя отдачи и опытный станок по типу станка Соколова образца 1910 года. Кроме того, договорившись с начальником конюшен, обслуживающих Главный Штаб, переоборудовал двуконную бричку под установку пулемета и сделал что-то вроде известной тачанки. Переоборудование тарантаса стоило мне 50 рублей, еще столько же я заплатил в мастерских за станок и надульный усилитель отдачи. Поставив имевшийся на высших офицерских курсах в Ораниенбауме пулемет под патрон 4,2 линии на повозку, мы достаточно долго тренировались, чтобы лошади не пугались шума выстрелов, а потом, по накатанной дороге, учились поражать цель на скаку. Тренировались и выполнять повороты, чтобы бричка с приподнятым против обычного центром тяжести не перевернулась. На подобное развлечение приходили посмотреть офицеры, что это там творит этот чиновник, тем более что я сам тренировался в стрельбе из пулемета на ходу.

Надо сказать, что в конце апреля меня вызвал генерал Обручев – накануне Агеев предупредил, чтобы я завтра был при параде.

В назначенное время я был у генерала, который взял папку со стола и произнес: «Указом Его Императорского Величества коллежский асессор Степанов Александр Павлович производится за отличие в надворные советники со старшинством с позавчерашнего дня. Поздравляю вас надворным советником, господин Степанов». Он протянул мне папку, и я, взяв ее, ответил: «Служу Престолу и Отечеству!» После этого генерал осторожно пожал мне руку. Я продолжал носить перчатки (для парадной формы я купил тонкие белые лайковые перчатки), но руки мои выглядели гораздо лучше, а к перчаткам я как-то привык и они стали как бы второй кожей, но Николай Николаевич этого не знал и воображал, наверно, что у меня там какая-то клешня. Я поблагодарил Обручева и отправился к Агееву, думая, что то ли он подписал мне представление на внеочередной чин, то ли в Военно-медицинской академии расстарались: там закончились испытания СЦ и готовилась публикация в Военно-медицинском журнале.

Агеев порадовался за меня и в ответ на мой вопрос сказал, что он не писал представления на чин, оставив меня в некотором недоумении.

– Но с вас причитается, – сказал полковник, – а новые петлицы, по обычаю, причитаются с меня!

Договорились поужинать в «Астории» – мне там уха очень нравилась, лучше, пожалуй, в Петербурге и не готовили, а тут опять пост, бараньих отбивных еще полмесяца ждать... В отделе нас прибавилось, но это пришли опытные филеры из Жандармского Корпуса во главе с вахмистром, застрелившим тогда в мансарде звероподобного Семена. Они теперь числились чиновниками по Военному министерству, большинство по XIV классу, но с хорошим жалованьем и премиальными, а вахмистр сдал экзамен на первый офицерский чин и был произведен в подпоручики. Филеры во главе с подпоручиком в штабе не появлялись – они продолжали числиться как в разведочном отделе, так и по Корпусу Жандармов, занимая помещение в доме на Миллионной, куда переехало Управление Корпусом, так что их вроде и не было, но они были и «пасли» иностранцев, особенно военных атташе, да и вообще всяких подозрительных личностей зарубежного происхождения. От Агеева я узнал, что Захариос, согласно донесениям филеров, был у некоторых великих князей, везде с богатыми подарками. Почву готовит для своего шоу, а что после Пасхи начнется – грек, наверно, весь магазин Фаберже уже скупил...

Так что за столиком были только я и Агеев, у нас в Штабе было еще двое чиновников в ранге коллежских секретарей: делопроизводитель и его помощник, остальные должности пока вакантные, но Агеев сказал, что в ближайшие месяцы штат отдела будет заполнен полностью. Уже практически приступили к исполнению служебных обязанностей офицеры в Варшаве и Ташкенте, и он ожидает только решения по своим замам по оперативным вопросам здесь.

У меня с полковником сложились доверительные, почти дружеские отношения: мы вместе продолжали ходить в тир, обедали, а часто и ужинали вместе (Агеев, как и я, был холост). Сергей Семенович был в курсе моих скачек на тачанке, только просил быть осторожнее, я же ответил, что после случая с гранатой на полигоне мне бояться нечего, разве только лошадь лягнет, но я к ним не приближаюсь.

Жили мы по соседству, иногда ходили друг к другу в гости, поиграть в шахматы. Полковник был сильным игроком и частенько меня обыгрывал, особенно когда я отвлекался или задумывался о чем-то постороннем, а он всегда был собран и ошибок не прощал. В таких случаях обычно горничная Катя, убравшая и готовившая нам обоим, задерживалась, чтобы поставить самовар и подать чай. Потом она уходила, жила она на Васильевском, большей частью ходила пешком через Дворцовый мост, где недалеко снимала вместе с еще одной девушкой комнату в доходном доме. Родом она была откуда-то с мызы под Ораниенбаумом, в Петербург приехала год назад и стала искать работу по дому, тут ее и заметил Агеев. Катя была красива, с высокой грудью и темно-русыми волосами, заплетенными в тугую косу, уложенную вокруг головы. По меркам двадцать первого века слегка полновата, но худых здесь вообще за красавиц не держали. Как-то оставшись убрать посуду после чая, она осталась у меня на ночь, и с тех пор мы были близки. Вообще-то я догадывался, что и полковнику Катя уделяет толику своих ласк, но мне как-то было все равно, девушка она была опрятная во всем, не только в уборке комнат и мытье посуды. Так что физиология и больше ничего, любви я не испытывал, а Катя и не догадывалась, что это за барские романтические вздохи при луне. Вот так и проходила моя жизнь в конце XIX века, не скажу, что очень спокойно, как некоторые представляют то неспешное время. Это смотря где оно неспешное, в Кинешме или Кимрах и в XXI веке неспешное, а в столице жизнь всегда «бьет ключом», независимо от того, XIX или XXI век на дворе. Да и где мне было в мое время встретиться с первым лицом государства, а вот послезавтра нас с Агеевым ждут в Зимнем.

Назавтра в Зимнем все напоминало процедуру, что мы проходили с Генрихом во время первого награждения в Москве, только в Петербурге, естественно, масштаб побольше. А так все то же: сначала помариновали в «предбаннике», причем здесь тоже, то ли от волнения, то ли от духоты, некоторым старичкам-генералам и статским «высокопревосходительствам» стало дурно. Побежали за нашатырем и каплями, принесли воды, откачали. Потом открылись большие двустворчатые двери, всех построили в зале побольше в одну шеренгу, впереди особы, начиная от III класса, за ними все остальные. Я оказался в группе гвардейских капитанов, подполковников и надворных советников, а Агеева поставили десятка на два «персон» ближе к генералам, за мной осталось столько же остальных награждаемых. По статуту мне должны были вручить орден Святой Анны 3-й степени, да и надворным я пробыл три дня, так что за мной слева стоял средних лет ассессор, поминутно утирая платком пот с лысины. Все ожидали государя императора, он же «царь-наш-батюшка». Наконец, герольдмейстер объявил полный титул самодержца всероссийского, и в дверь вошел крупный бородач с взглядом исподлобья, с голубой лентой Святого Андрея Первозванного наискосок через правое плечо и белым крестом Святого Георгия на толстой короткой шее. «Прямо-таки медведь какой», – подумал я.

Началось награждение, царь останавливался перед кавалером, вручал орден, часто задавал вопросы, иногда беседовал одну-две минуты с награжденным, в общем, дело двигалось достаточно медленно. Дойдя до Агеева, император подозвал из свиты генерала с вислыми усами, и они о чем-то поговорили. Генерал похлопал полковника по плечу, из чего я сделал вывод, что они знакомы. Вот и ко мне подошел самодержец, взяв папочку и коробочку из рук адъютанта в генеральской форме, другой офицер с аксельбантами держал плоский прямоугольный поднос с папками и коробочками. «Медведь» посмотрел на меня и сказал:

– Поздравляю вас орденом Святого Равноапостольного князя Владимира четвертой степени с мечами и жалую потомственное дворянство Российской империи вам и потомкам вашим.

Император протянул руку назад, генерал-адъютант вложил в нее две папочки и коробочку с орденом.

– Служу Престолу и Отечеству, – громко сказал я, так что на меня обратили внимание стоявшие рядом (хорошо еще, что на автомате не произнес «Служу Советскому Союзу»).

– Вот, Черевин, посмотри, какие орлы у твоего Агеева служат, в огне не горят и в воде не тонут?! – с некоторой вопросительной интонацией произнес Александр III.

– Не было случая проверить насчет воды, ваше императорское величество, – ответил я, приняв «вид лихой и слегка придурковатый», каким следовало быть подчиненному перед лицом начальствующим, еще по петровскому указу.

– Слышал я про твои изобретения с лекарством и с ручными бомбами, да и про подпись Fucking тоже, – сказал царь, – считай, сразу за все наградил тебя и вперед тоже. Смотри, не подведи меня! – И император двинулся к коллежскому асессору, стоявшему «ни жив ни мертв» слева.

Скоро награждение закончилось, царь удалился во внутренние покои, сославшись на дела, и нас пригласили на фуршет, отведать, чего Бог послал. Поскольку стол был постный, отведывать особенно было нечего, и мы с Агеевым поспешили в Штаб, для чего нам нужно было всего лишь перейти площадь.

– А мне Георгия дали, – похвастался Агеев, – а тебе что?

– Поздравляю, Сергей, это для офицера самый главный орден, просто так его не дают, как там – «носить, не снимая», – порадовался я за друга. – А мне – Владимира с мечами!

– Тоже тебя поздравляю! Знатный орден, при любой форме носится, и мечи... да ты же теперь потомственный дворянин, то-то радость твоему деду будет! – так же не скрывал радости за меня полковник. – Правнуки-то его теперь – потомственными дворянами станут при рождении!

Вернувшись, мы представились генералу Обручеву по случаю награждения высокими наградами, генерал поздравил нас и отпустил со службы – отмечать награды, но достойно для кавалеров таких орденов. Вышли опять на Дворцовую, стараясь уберечься от пронизывающего ветра (а ведь, когда пересекали площадь, идя на прием в Зимний, снаружи было практически безветренно, вот ведь переменчивая питерская весенняя погодка). Дойдя до Певческого мостика, мы взяли извозчика, решив пойти в модный фешенебельный ресторан «Донон», на набережной Мойки, 24. Вообще-то офицеру было не к лицу ходить пешком,

даже если близко, но здесь еще сыграло то, что я, по крайней мере, уже замерз, так как был в лаковых штиблетах, не приспособленных для прогулок. Вот и искомый адрес, действительно, в двух шагах. Сунув извозчику двугривенный, я огляделся: ничего похожего на дорогой ресторан, я-то ожидал увидеть ярко освещенный подъезд, швейцара с бородой, а то и двух, но ничего этого не было и в помине. Сергей потащил меня куда-то во двор.

– Это здесь, иди за мной, – показывал дорогу полковник, видно, бывавший здесь не первый раз, – просто с улицы не заметно.

Двор, впрочем, был ярко освещен, летом здесь явно стояли столики под деревьями в тенистом саду. Войдя в помещение, где было тепло и уютно, мы сдали гардеробщику шинели и прошли в зал. Публики было немного, сегодня же Чистый четверг, все по домам сидят и предаются душеспасительным мыслям, очищаясь перед Светлым Христовым Воскресением. Из офицеров были мы двое, но нет, там, в углу, явно генеральские эполеты золотом блестят. Может, «превосходительства» тоже награды обмывают. По соображениям офицерской этики надо было бы спросить у старших по званию разрешения присутствовать, но Агеев не стал с этим заморачиваться и просто потащил меня к такому же столику в другой половине зала. Рядом чинно сидели какие-то господа во фраках, дам не было вовсе, то есть вообще. Полковник заметил, что высшая аристократия в общем зале не сидит, а больше прячется от публики по отдельным кабинетам, там и вход отдельный. Но мы не графы с князьями, хотя, если я так же буду делать карьеру семимильными шагами, он не удивится тому, что ему вскоре придется обращаться ко мне «ваше сиятельство, господин граф». На эту «подколку» я ответил, что скорее я буду в ближайшем будущем именовать его «превосходительством», поскольку мне до графа гораздо дальше, чем ему – до генерала.

Пока Агеев лениво перелистывал меню и изучал винную карту (я отдал заказ на откуп ему), у столика бесшумно возник официант.

– Что ваши высокоблагородия изволят заказать? – спросил он, наклоняясь в поклоне. – Осмелюсь предложить раков по-бордоски, свежайшие-с, все хвалят...

– Вот что, голубчик, раков мы у себя в деревне наловим, во Францию нам для этого ехать нечего, да и не из Бордо они, а здешние, чухонские, – осадил пыл халдея Агеев, – нам бы чего по-русски, стерлядки паровой отведать, например. А для начала осетрины холодного копчения, балычок тоненько порезать, сёмужки

с лимоном и икорки, само собой, зернистой и огурчики свежие порезать. Вы что предпочитаете к рыбному столу, Александр Палыч, может, бутылочку шабли, нет, ну его, не подходит для сегодняшнего торжественного случая. Притащи-ка нам, братец, бутылочку «Клико», веселой вдовы, в ведерке со льдом, как положено.

– Ну нешто мы не понимаем, ваше высокоблагородие, господин полковник, может, извольте сами на стерлядок взглянуть, вам их и поймают тут же, – предложил официант, – вон у нас «аквариум» возле фонтана.

И правда, в большом аквариуме плавали разнообразные рыбы, а на дне, шевеля усами, сидели крупные раки (видимо, будущие «бордоские»). Выбрав стерлядок среднего размера, побойчее, мы вернулись к столику, где уже были сервированы закуски и стояло ведерко с шампанским. Официант подвинул нам стулья и спросил:

– Прикажете открыть?

– Да уж давай, братец, открывай.

Ловко открыв бутылку, официант продемонстрировал полковнику пробку и налил немного вина в бокал. Агеев сделал глоток, а затем кивнул головой, давай, мол, наливай.

Шампанское и впрямь было хорошим, в меру охлажденным. Поскольку это был мой первый бокал шампанского в этом веке, я попытался его оценить.

Доводилось мне пить в лучшие годы и «Клико» и «Дом Периньон», но это как-то отличалось, и в лучшую сторону.

– Неплохой Резерв[27 - Резерв – выдержанное вино, в случае с «Клико», белый или розовый брют.], – отметил полковник, отпив пару глотков. – Что же, за нас, кавалеров орденов Империи Российской, и дай Бог, чтобы не последних.

Потом мы отдали должное закускам, а затем принесли стерлядок, отдельно блюдечко с порезанным лимоном и отваренной некрупной картошки с зеленым (!) укропом. Стерлядка была приготовлена на пару с какими-то травами, а не просто так. Под нее хорошо прошел еще бокальчик брюта, после чего Агеев, насытившись, произнес:

– Хорошо поесть и выпить, Саша, это еще то удовольствие, но ведь не в этом счастье.

– А в чем, Сергей? – ответил я, опасаясь, что полковник ответит: «в служении государю», тогда придется пить стоя за государя императора, бить бокалы и заказывать «Боже, царя храни», впрочем, оркестра здесь никакого нет. Были бы мы пьяны, то исполнили гимн «а капелла»[28 - А капелла от a cappella (итал.), пение без инструментального сопровождение, без музыки, как правило, хором.], и пусть тогда хоть кто-нибудь остался сидеть!

Затем, естественно, стрельба в потолок, битые зеркала и халдейских морд, все как в низкопробном советском кино про дебоши белых офицеров. Но здесь аристократический ресторан, никто даже не говорит громко, тем более не бузит, да и револьверов у нас с собой нет...

– Нет, Саша, счастье не в этом, а в том, когда тебя любят, когда тебя ждут и ты нужен. Я ведь женюсь, друг мой, и предлагаю тебе быть шафером на моей свадьбе, – прочувствованно сказал Агеев, разливая остатки шампанского. – Завтра Страстная пятница, предложение делать нельзя, а вот сразу после Пасхи отправлюсь просить руки. Я уже однажды просил, но получил от ее мамы отказ, что, вот будешь генералом, Сережа, тогда и приходи. Ну, я хоть и не генерал, но после награждения Георгием, думаю, долго в полковниках ходить не буду, тем более государь меня заметил, вот сегодня, когда Черевина подозвал, генерал-лейтенант ему про меня прямо дифирамбы пел, какой я храбрый и отважный был в Корпусе[29 - В Корпусе жандармов, где с подачи генерала Черевина и начинал свою разведывательную деятельность Агеев, как специалист по противодействию иностранным шпионам.].

– Сергей, это тот генерал-лейтенант с алкогольным носом в сизых прожилках и вислыми усами, что сопровождал императора, дойдя и до меня?

– Да, это генерал Черевин, друг государя и начальник его охраны. Он в свое время уговорил перейти меня в Корпус жандармов офицером для особых поручений. Я ведь не всегда был жандармом, на них ведь нигде не учат, и офицеры подбираются разные: кого вытурили из полка за проступки, а кто сам ушел, вроде меня. Я ведь в лейб-гвардии Ее величества кирасирский полк, что расквартирован в Гатчине, в знаменитые «синие кирасиры» был назначен. Но быть гвардейским кирасиром весьма накладно, а семья наша средств не имела,

отец умер, а вскоре и матушка, остались я и сестра, она на Бестужевских курсах сейчас учится, а как я поступил в жандармы, то вовсе прекратила со мной общаться, маленькая еще была, глупая, книжки революционные читает, дура. Я ей деньги посылаю, а они назад возвращаются, гордая, не берет «подачки от жандарма, у которого руки по локоть в крови борцов за народное счастье». Уж я просил приглядеть за ней своих знакомых по Корпусу, как бы с бомбистами-анархистами не связалась, но пока, говорят, только книжки читает и разговоры разговаривает с такими же, как она.

А с Наташей я, считай, с детства знаком, их имение рядом с нашей деревенькой, – рассказывал дальше Сергей, – и любим мы давно друг друга, она хоть и младше меня на двенадцать лет, но я для нее был просто друг и как бы старший брат. Вот прошлым летом она согласилась стать моей женой, и пошел я просить Наташиной руки у ее маменьки, графини. Ну и получил отказ: «Ты, говорит, Сережа, нам как родной, но был бы ты генералом, я бы еще подумала, а так, извини...»

– Так что, друг мой Саша, – продолжал Агеев, – конец нашим холостым пирушкам, хотя мальчишник мы еще устроим, а ты пока холостой, отдавай должное Катюшиным прелестям, но и на барышень из приличных семейств поглядывай, ты ведь теперь потомственный дворянин и надворный советник в 23 года с двумя орденами, среди которых Владимир с мечами – это же редкость среди статских, война-то вон когда закончилась, когда ты еще в гимназию ходил. Так что на твой орден смотрят, те, кто понимает, конечно.

И правда, два прилично одетых господина за соседним столиком упорно глядели на меня:

– Прошу простить покорно, вы Александр Павлович Степанов? – обратился ко мне один из них.

Да это газетчики из питерской «Недели»: Гайдебуров, редактор, и второй – Меньшиков вроде. Да, вот они представляются Агееву:

– Господин полковник, прошу еще раз извинить, мы не сразу признали вашего визави[30 - Визави от vis-a-vis (фр.) – лицо, сидящее или стоящее напротив.], – подошел к столу Гайдебуров, – позвольте представиться: Гайдебуров Павел Андреевич, редактор еженедельника «Неделя», и Меньшиков Михаил Осипович,

секретарь редакции и постоянный корреспондент. Позвольте нам задать пару вопросов господину надворному советнику.

– Это на усмотрение Александра Павловича, – ответил Агеев и подозвал официанта, приказав убрать со стола.

– Александр Павлович, – начал Гайдебуров, а Меньшиков достал свой неизменный блокнот, – вижу, что вы теперь на государственной службе и не обойдены чинами и наградами...

– Это без комментариев, – оборвал газетчика полковник, – видно, что он не жалуется пишущую братию.

– Понимаю, – продолжил Гайдебуров, – поэтому не буду спрашивать, за что чины и награды, тем более такие. Я хотел лишь спросить о завершившихся в Военно-медицинской академии испытаниях чудодейственного препарата, что вы изобрели, слухами об этом полнится весь Петербург, мои знакомые врачи наперебой обсуждают эту новость. А господин фон Циммер тоже причастен к этому изобретению, где он сейчас, в Москве или здесь?

– Господин фон Циммер трагически погиб во время взрыва в лаборатории, а я вот, видите, тоже пострадал там же. Да, препарат СЦ (он назван по первым буквам наших фамилий) сейчас прошел необходимые испытания, и об этом будет опубликована статья в ближайшем номере «Военно-медицинского журнала».

– А можно ли приобрести ваш препарат и где?

– Все права на СЦ уступлены моему деду Степанову Ивану Петровичу, на фабрике которого он и производится. Желающие купить могут обратиться в представительства компании, они есть во всех крупных городах Империи, естественно, есть и в Петербурге, в Гостином дворе на Невском. Пока компания продает препарат СЦ только оптом в аптеки и аптечные магазины.

Пусть будет реклама, чем больше людей узнают, тем лучше препарат разоидется. Надо подсказать деду, пусть дадут рекламные объявления в крупные газеты и в местные, там, где есть представительства.

Глава 4

ПАСХАЛЬНАЯ

Наступил вечер перед Пасхой, Сергей потащил меня куда-то на Литейный, потом мы свернули в переулок и увидели небольшой храм. Агеев стал озираться по сторонам и вдруг шепнул мне:

– Вот она, вон там, у колонны, в шляпке, под вуалью, а рядом ее мамаша.

Я посмотрел в ту сторону, но шляпок и девушек под вуалью было не менее десятка и у каждой рядом торчали родственники, так что я не был уверен, Наташа это или нет. Тем более что вид шляпки сзади мне не позволял оценить избранницу Сергея. Наконец, в полночь зазвонили колокола и начался крестный ход вокруг храма, священник возглашал: «Христос воскресе!», а люди хором отвечали: «Воистину воскресе!» и так три раза. Было видно, что люди истово молятся и осеняют себя крестным знаменем. Краем глаза я наблюдал за Сергеем, он крестился, как бы отмахиваясь от назойливой мухи, и на лице его я не видел того просветления, которое было у других. Что-то я не вижу в нем истинной веры, даже я более истово крестился, а Сергей вел себя точь-в-точь так, как ведут себя большинство людей XXI века, посещая храм на Пасху: ну обычай такой и что... Возможно, это было оттого, что мысли его занимала та девушка в шляпке с вуалью.

Священник взмахнул кадиллом, и все пошли внутрь, оставшиеся начали поздравлять друг друга со Светлым Христовым Воскресением, а «чистая публика» – потихоньку расходиться, иначе пришлось бы стоять в битком набитом храме еще четыре часа. Оставив меня одного, Сергей поспешил к двум женщинам, собиравшимся выйти за церковную ограду. Было слышно, как он поздравил их, но ни одна из них не сделала даже попытки расцеловаться, хотя я видел, что так поступали даже люди незнакомые друг другу и делали это с радостью. Мать с дочерью только кивнули и что-то сказали Сергею, нервно сжимавшему в левой руке фуражку, и продолжили свой путь.

Я немного разглядел избранницу полковника: стройная фигурка, белокурые волосы под шляпкой, рост средний – обычная девушка, мимо которой пройдешь

и тут же забудешь. Разве что молоденькая – она рядом с мамашей выглядела как гимназисточка выпускного класса, а Агееву-то уже 35 лет... Скорее, ему уж мамаше предложение делать надо, стал бы графом (или не стал? Я как-то не очень разобрался во всех правилах наследования титула, вот жене от мужа титул вроде передается, а наоборот, может и нет...)[31 - Титул в Российской империи передавался исключительно по мужской линии. Так что, Агеев никаким графом бы не стал, женись он хоть на дочке, хоть на мамаше, хоть на обеих сразу.].

Тут ко мне подошел расстроенный полковник.

- Нет, ты видел? – кипел он. – Даже похристосоваться не захотели!

- Да плюнь ты на них, может, им на улице неудобно, спесь графская не позволяет. Поехали лучше домой, поздно уже, да и ночь сегодня ясная, а значит, будет холодно. Зайдем лучше ко мне, – предложил я, – таянем коньячку и на боковую.

Так и сделали. Только коньячку полковник влил в себя столько, что мне пришлось проводить его до квартиры и уложить в койку, сняв, естественно, шинель, китель и ботинки и накрыв пледом, чтобы не замерз.

Утром я проснулся от осторожного стука в дверь и услышал Катин голосок:

- Вставайте, Александр Палыч, завтрак готов.

Я умылся, причесался, сменил сорочку на чистую и вышел к завтраку. На столе стояла тарелка с крашеными яйцами, творожная пасха и красивый кулич. У плиты сутилась Катя, переворачивая на сковородке что-то аппетитно скворчащее и явно мясное.

- Садитесь, Александр Палыч, все сама приготовила и кулич испекла, носила его в церковь, и батюшка освятил.

- Да ты садись, покушай со мной, – меня тронула Катина забота. – Давай в честь светлого праздника по рюмочке мадеры!

Катя отставила сковородку с телячьими отбивными, сняла фартук, поставила лафитнички на стол, я же тем временем достал бутылку крымской мадеры (любят крестьяне в этом времени мадеру, вот и Гриша Распутин, который через десять лет появится на горизонте[32 - Распутин появился в Петербурге в 1903 году, когда ему исполнилось 30 лет.], ее очень даже уважал). Я разлил вино, подал Кате лафитничек и сказал «Христос воскресе, Катюша», и она ответила «Воистину воскресе, Александр Палыч», потом я расцеловал ее в сладкие, пахнущие мадерой мягкие податливые губы. Катя покраснела и, потупившись, села на стул.

- Вкусное вино мадера, - сказала она через некоторое время, - как церковный кагор, только вкуснее.

Мы поели, потом еще выпили и еще целовались, потом я поднял ее на руки и отнес в спальню.

- Только штору закройте, Александр Палыч, - попросила Катя. Она не могла заниматься сексом при свете, стеснялась, а в темноте была очень даже раскованна и изобретательна.

- Катя, сколько раз я просил называть меня по имени, - сказал я, раздеваясь (Катя уже успела расстегнуть все свои многочисленные крючки и пуговики и юркнула под одеяло), - ну какой я тебе Александр Палыч, я же всего на три года старше тебя.

- Ну как же, - протянула, высунувшись из-под одеяла, Катя, - вы же ба-арин...

Потом, насытившись друг другом, мы лежали в блаженной истоме, Катя положила голову на плечо и осторожно гладила меня кончиками пальцев. Я снимал перчатки, хотя первый раз, чтобы не пугать девушку, оставил их на руках, но Катя сама настояла, чтобы я их снял, и как-то принесла небольшой горшочек, завязанный чистой тряпицей, сказав, что это целебная мазь, которую готовит из трав ее дед. Я хотел было отказаться (мало ли что дедушка туда кладет, может, навоз, а может, жир тухлый какой), но, когда понюхал, понял, что основная составляющая - это мед, травы и, возможно, какой-то прополис или хвойное масло, а может, и то и другое. В общем, пахло приятно, и Катя, после наших любовных игрищ, намазывала мне руки этой смесью и надевала на намазанные мазью кисти рук белые холщовые варежки. И что интересно, через

десяток таких аппликаций[33 - Аппликация – наложение мази.] состояние кожи значительно улучшилось и начали правильно расти ногти! Увидев мое удивление, Катя объяснила, что ее дед – известный в их краях травник и пасечник, живет на пасеке в лесу, и даже медведь его не трогает (потому что дед специально для «хозяина» сеет делянку овса, и медведь улья не ломает). Многие считают его колдуном, только дед никому зла не делает, говорит, что за зло потом жестоко расплачиваться придется. Только однажды дед заговорил молодого барина, насильничавшего шестнадцатилетнюю Катю, и барин скоро свернул себе шею, свалившись с лошади. Дед же потом месяц молился – грех отмаливал, но в тот год зимой тяжело заболел и чуть Богу душу не отдал. Катя за ним ухаживала, и он сказал ей, что его болезнь – это плата за то, что он чужую жизнь взял.

– Хороший ты, Саша, – сказала Катя, когда я осторожно, кончиками пальцев гладил ее грудь, – так бы и осталась с тобой навсегда, да знаю, что мы друг другу не ровня.

Я сказал ей, что Сергей женится и съедет к молодой жене, либо снимет себе квартиру попросторней, не станет же графиня в трех комнатах ютиться, так что пусть Катя живет у меня хоть все время, я-то жениться не собираюсь. А денег ей буду вдвое платить, не надо будет еще места искать (мы с Сергеем платили Кате по 20 рублей каждый, так что в месяц она получала как чиновник средней руки либо армейский поручик).

– Да что ты, Саша, – ответила мне со вздохом Катя, – я знаю, что Агеев женится, да только он меня не увольнял, сказал, что все по-прежнему остается. Сашенька, ты берегись его, он плохой человек, злой, если бы ты знал, что он со мной вытворяет... Он – зверь. Агеев и через тебя перешагнет, если надо, и дальше пойдет, даже не оглянется.

Тогда я расценил эти слова как Катины капризы, а ведь надо было прислушаться...

Как известно, на Светлую седмицу принято ходить в гости и поздравлять друг друга с Христовым Воскресением. Одевшись получше, то есть в парадный мундир с орденами[34 - На праздниках офицеры и военные чиновники обязаны были быть в парадных мундирах. До русско-японской войны в обществе мундиру придавалась особая роль, им гордились и показаться в статском военному в общественном месте, театре, пойти в гости (коме самых близких

родственников), тем более в праздник, считалось неприличным.], я поехал на Васильевский, к Менделееву. Однако тут меня ждал неприятный сюрприз. Представившись открывшей дверь горничной, я услышал, что меня принимать не велено, Дмитрий Иванович приказал, так что, мол, простите, господин надворный советник Степанов, но больше к нам не приходите. Обескураженный, я спустился по лестнице и сразу даже не мог решить, в чем я виноват и что мне дальше делать. Я плелся по тротуару, и не радовал меня довольно теплый солнечный день. Поеду-ка я в Москву, решил я, надо деда навестить, а то обмениваемся короткими посланиями в конвертах, что я передаю приказчику в дедовом магазине тканей в Гостином дворе. Вот только заеду домой, соберусь, позвоню Агееву (у нас в квартирах поставили телефоны) и на вокзал. Однако Сергей попросил меня задержаться до завтра и уехать вечерним поездом – я понял, что завтра ему потребуется моральная поддержка, и остался.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ожог 3-й степени, занимающий 25 процентов поверхности кожи – проблема для медицины и в двадцать первом столетии, со всеми противошоковыми мероприятиями, антибиотиками и стерильными палатами, выживают лишь немногие.

2

Напомню, что в прошлом наш попаданец был подполковником в военном НИИ, где занимался математическим моделированием (см. 1-ю главу 1-й книги).

3

В описываемое время – так называемый Привисленский край на месте упраздненного Царства Польского, так было велено именовать после подавления польского восстания, однако в титуле государя осталось «Царь Польский».

4

Проклятый ублюдок (польск.).

5

Перфокарты применяли еще в машинах Жаккарда для выделки плотной ткани с рисунком, с тех пор такая ткань называется «жаккард», на металлических пластинах пробивали отверстия по двоичному коду: есть отверстие – нет отверстия, то есть машина Жаккарда была программируемым станком задолго до появления ЭВМ, еще раньше в счетной машине Беббиджа был также реализован двоичный код – это была уже механическая счетная машина, работающая по заданной программе, позволявшей делать различные математические вычисления.

6

После реформы 1884 года чин соответствовал старшему (взводному) унтер-офицеру, имеющему три поперечные лычки на погонах.

7

Через некоторое время военным чиновникам введут узкие серебристые погоны, вроде тех, что носят сейчас военные медики, которые тоже имеют статские чины, несмотря на погоны и эполеты.

8

Калибр измерялся в дюймах и линиях. Линия – одна десятая дюйма, 2,54 мм, то есть трехлинейный калибр – это 7,62 мм.

9

Оружие офицеры покупали всегда только за свои средства, даже при производстве в офицерский чин, когда их обмундировывала казна. Потом, естественно, обмундирование по мере износа приходилось покупать.

10

Женской прислуге такого рода платили от трех до восьми рублей в месяц.

11

Из двух братьев именно Эмиль был талантливым оружейником, а Леон, который морочил всем голову в Петербурге, был, как бы сейчас сказали, менеджером-продажником. Когда Эмиль ослеп и не смог работать, один Леон уже ничего нового выдумать не мог и фирма жила тем, что производила ранее.

12

Сергей Иванович закончил Михайловскую академию и успел уже поработать в качестве военного инженера в Туле и Сестрорецке, тогдашних центрах оружейной промышленности России. Да и капитаном С. И. Мосин был по гвардейской артиллерии, что на звание выше, чем в армии. Для того чтобы и материально и морально заинтересовать талантливых людей работать в оборонной промышленности, император Александр III присваивал гвардейские чины офицерам, занимавшим инженерные должности на оружейных заводах.

13

В западной литературе принятую на вооружение в 1891 г. винтовку до сих пор именуют винтовкой Мосина – Нагана, мотивируя тем, что русские просто так не стали бы платить колоссальную сумму бельгийцу.

14

Когда была подсчитана эта экономия, оказалось, что при производстве 2 миллионов винтовок экономится до 6 миллионов рублей. Лекала для массового производства были подготовлены самим С. И. Мосиным. Это дало дополнительную экономию до 8 миллионов рублей, ведь раньше лекала для винтовок Бердана приходилось заказывать за границей. Качественные лекала позволяли унифицировать производство на разных заводах и облегчали

приемку, которая проводилась весьма оригинально: 100 винтовок из каждой партии разбирали на детали, перемешивали их и затем вновь собирали оружие. После этого проводились стрельбы, и, если они давали неудовлетворительный результат, браковали всю партию винтовок.

15

Об этом хобби попаданца упоминалось в первой книге, так что здесь он был «в своей тарелке», с некоторым послезнанием.

16

Сам Мосин дважды вызывал его на дуэль, один раз вообще в тульском Дворянском собрании, а тот еще и жалобу на капитана накатал, и Мосину влетело от начальства за то, что у мужа, мол, венчанную жену отбиваешь, а тот и не жил с ней.

17

См. Книгу первую, последняя глава.

18

Современники оставили следующие оценки: это был человек «умный, добрый, честный, постоянно выпивши. Лицо подернуто алкогольной окраской, острый нос, отвисшие вниз усы и шутовское приветствие на улыбающихся губах» – так описывал близкого друга царя В. С. Кривенко, начальник канцелярии

Министерства двора.

19

Имеется в виду бой трехсот спартанцев в Фермопильском ущелье против армии персов.

20

Орден Святого Владимира 4-й степени давал право потомственного дворянства до 1900 года, потом ценз подняли – орден Св. Георгия 4-й степени, либо Анна или Станислав 1-й степени, со звездой и плечевой лентой, либо Владимир 3-й степени на шею. Царь мог наградить за заслуги 4-й степенью ордена, минуя выслужную Анну 2-й и 3-й степени.

21

Надворный советник – чин VII класса Табели о рангах, равен армейскому подполковнику. Ниже VII класса орденом Владимира 4-й степени, как правило, в мирное время не награждали. Вот в Первую мировую могли и поручика наградить, так как орден Святого равноапостольного князя Владимира давался за заслуги, а не за выслугу лет, но за 25 лет службы или 18 кампаний на море его тоже давали.

22

Выходит, генерал читал пушкинскую «Капитанскую дочку», раз не забыл слова Пугачева оттуда.

23

В Империи пожалования чинами, да и вообще награждения обычно совершались два раза в год – на Рождество и на Пасху, хотя были и исключения: для генералитета или высших чиновников – ко дню ангела, за высокие заслуги – сразу после совершения подвига.

24

Георгиевская Дума имела право отклонить представление на награду, Александр III уважал Думу и не спорил с ней, так как сам был боевым генералом и имел Георгия 3-й степени, а вот Александр II и Николай II с Думой не считались – первый сам «возложил» на себя знаки Георгия 1-й степени в честь 100-летия ордена, а второй – не согласовывая с Думой, поголовно наградил всех офицеров и врачей (первый случай в истории ордена) «Варяга» и «Корейца» орденами Святого Георгия 4-й степени тогда, как «Кореец» даже не участвовал в том неудачном бою в Чемульпо.

25

Ударение на первом слоге, а не на втором, как у нас принято.

26

Создав, а не изобретя, ибо у лампы с угольным электродом было много предшественников (более полутора десятков), но лишь Эдисону удалось сделать что-то более-менее пригодное для использования в быту. Среди создателей ламп были и русские: Яблочков – его «каолиновые свечи», где не требовался вакуум, освещали Невский проспект, а потом Париж, и Лодыгин – его привилегия в России была раньше патента Эдисона, но за границей Лодыгин не патентовал свое детище, лишь в 1906-м продал патент на лампу с вольфрамовой нитью компании Джeneral Электрик.

27

Резерв – выдержанное вино, в случае с «Клико», белый или розовый брют.

28

А капелла от a cappella (итал.), пение без инструментального сопровождение, без музыки, как правило, хором.

29

В Корпусе жандармов, где с подачи генерала Черевина и начинал свою разведывательную деятельность Агеев, как специалист по противодействию иностранным шпионам.

30

Визави от vis-a-vis (фр.) – лицо, сидящее или стоящее напротив.

31

Титул в Российской империи передавался исключительно по мужской линии. Так что, Агеев никаким графом бы не стал, женись он хоть на дочке, хоть на мамаше, хоть на обеих сразу.

32

Распутин появился в Петербурге в 1903 году, когда ему исполнилось 30 лет.

33

Аппликация - наложение мази.

34

На праздниках офицеры и военные чиновники обязаны были быть в парадных мундирах. До русско-японской войны в обществе мундиру придавалась особая роль, им гордились и показаться в статском военному в общественном месте, театре, пойти в гости (коме самых близких родственников), тем более в праздник, считалось неприличным.

Купить: https://tellnovel.com/ru/podshivalov_anatoliy/voennyu-chinovnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)